

Наталья Владимировна Резанова
Удар милосердия
Серия «Империя Эрд-и-Карниона»

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162549

Аннотация

Вокруг столицы империи одно за другим происходят необъяснимые жестокие убийства, и слухи все громче связывают их с именем наследника престола. Лишь немногим удастся увидеть за преступлениями связь черной магии и грядущего государственного переворота. Наделенный тайными знаниями аристократ, шпионка, воин и бродячий лекарь – кому из них предстоит узнать тайну, сохранить династию и нанести смертельный удар милосердия?..

Содержание

Часть первая	4
1. Окрестности Тримейна. Старый Дворец. Охотничий дом	4
2. Тримейн. Корпорация гистрионов «Дети вдовы».	12
3. Тримейн. Университетский квартал.	19
4. Пространство сна. Постоялый двор при дороге в Тримейн.	24
5. Дорога в Тримейн. Южное подворье. Дом – с – яблоком.	28
6. Новый Дворец. Турнирное поле. Королевский мост.	43
7. Пространство сна. Паром на реке Эрд.	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Наталья Резанова

Удар милосердия

*Актерам и всем тем, которые передают себя
в собственность другого, служат в качестве
возмещения тень человека.*

«Саксонское зеркало», XIII в

Часть первая

ВОТ ИДЕТ СНОВИДЕЦ

1. Окрестности Тримейна. Старый Дворец. Охотничий дом

К северу от Тримейна, на берегу лесной речки, далее исчезающей в волнах широкого Трима, стояла водяная мельница. Стояла она там давно, хотя нельзя сказать, что спокон веку, и нынешний священник в ближайшей деревне уже не думал проклинать дьявольское сооружение. Крестьяне же, по старой памяти мельницу и мельника боялись. Мыслимое ли дело, чтоб вода просто так, сама по себе, вращала колесо? Ясно, что мельник договорился с водяным дедом, или с кем похуже, и за то приносит плату, а какая это плата – понимай каждый, как сумеет. И без большой необходимости они к мельнице не приближались, Надо сказать, что необходимость такая у них случалась не часто. Земли эти принадлежали императорскому дому, равно как крестьяне и мельница. Но сидел на мельнице свободный арендатор, и молот он господское зерно, за чем следил императорский управляющий. По его приказу барщинники возили на мельницу зерно и доставляли в амбары имения мешки с мукой. Для себя же мололи они, как всегда было заведено – дома, на ручных жерновах, ибо расплачиваться за работу им было нечем. То, что крестьяне были крепостными, а мельник – свободным, также доверия к нему не укрепляло. В работники на мельницу местные не шли, хотя это сулило верный кусок хлеба. Арендатору помогали сыновья или зятья, если таковые имелись, а если очередной мельник был одинок, приходилось ему нанимать работников со стороны, что было в глазах местных жителей едва ли не хуже, чем водиться с нечистой силой. Никто из них ни разу не был в городе, при том, что до него полдня пешего ходу; не пересекали реку Трим, а о том, чтобы дойти до моря, и речи нет. Кто так делает – люди пропащие, погибшие души. Добрые люди сидят там, где жили их отцы и деды, а шляются только разбойники, прокаженные, да те, кого лучше к ночи не поминать. Конечно, мимо них проносились на кровных конях, в сопровождении борзых, высокородные охотники, двигались, взметая пыль, мрачные латники, брели пилигримы в широкополых шляпах и выцветших плащах, украшенных раковинами. Но это были не настоящие люди, а тени, не имевшие никакого отношения к их жизни – бедной, тяжелой, голодной, однако единственно знакомой. Тень мелькнет и исчезнет, и о ней забудут, и лишь, возможно, вельможные всадники возвращались в сны в облике Дикой Охоты, длинные разрезные рукава, яркие плащи и попоны становились демонскими крыльями, а заостренные морды борзых, их горящие глаза и вываленные языки принадлежали бесам. Но и демоны, и благородные рыцари с дамами равно принадлежали иному миру. Мельник – другое дело. Он жил здесь, хоть и знал с чужими. Он знал заветные слова, которыми отгоняют вражью силу, и у него можно было получить

клок медвежьей шерсти от сглаза, и лягушачий череп для приворота. Есть для таких дел в деревнях знахарки, но они все больше шепчут, травами пользуют, и редко кто их боится. Да и ходят к шептуньям больше женщины. А мельник ни от чего не лечит, он себя уважает. И какая женщина сунется на мельницу ночью?

Мужчина, который направлялся к мельнице, тоже ночью направиться не рискнул. Уж больно страшно. А днем пойдешь – если увидят, зашпыняют. Поэтому он выбрался из дома на рассвете. О том, что мельнику тоже нужно спать, он не думал. И какой сон в этом дьявольском месте! Сырой туман пробивался сквозь накинутую на плечи овчину, под ногами хлюпало. Должно пройти несколько часов прежде, чем ночной воздух прогреется. Весна, не лето.

Весна и была причиной того, что добрый поселянин в неурочный час выбрался из теплой постели. Кровь в это время играет не только у важных господ, и не у одних неженатых-незамужних. И крестьянин заподозрил, что жена наставляет ему рога. Не то, чтоб он ее застучал, но что-то вид у нее шибко довольный, Как ни бил он ее, подлая не сознавалась. А подозрения не утихали. Знающие же люди говорят – если добыть лягушачий язык и приложить к сердцу спящей женщины – все выболтает. А где лягушек искать, как не у мельницы? И лучше самому этих тварей не трогать. Пусть мельник согрешит.

Но правду ли говорили насчет лягушачьих языков, осталось в этой деревне навсегда невыясненным, Поспешая успеть до того, как солнце выползет из-за верхушек деревьев – словно оно могло увидеть его за постыдным занятием, сельский житель свернул за поворот, – туда, где тропинка на мельницу пересекалась с дорогой в имение, и застыл.

Что-то лежало на дороге, на самом ее перекрестке, белеясь на темной земле.

Не что-то.

Кто-то.

Из-за того, что у нее было с горлом и лицом, прохожему показалось, что перед ним – какое-то чудовище, кикимора, перевертень, очертаниями напоминающий женщину. На самом деле это и была женщина, точнее, молодая девушка, в льняном платье с цветной вышивкой по рукавам и подолу, стеклянных браслетах и башмаках, обшитых бусинами. Вся эта деревенская роскошь в туманном свете утра гляделась особенно жалко. Наверное, были на ней и бусы. Но бусы вместе с горлом разорвал мощный удар, пробивший плоть и сломавший шею. Голова девушки запрокинулась назад, открывая рану, а на лице ее неровными потеками застывала кровь, превращая его в жуткую маску, и кровь пропитала распущенные светлые волосы и землю под ними.

В окрестных лесах водились волки и кабаны – господская отрада и развлечение. Крестьянам охотиться запрещалось под страхом смерти. Но те, и не охотясь знали, что хищный зверь – если это просто зверь – без причины на человека не нападет. Да и время сейчас не зимнее, когда оголодавшие волки выходят на дорогу.

На это у прохожего соображения хватило. А дальше все – как смыло. Может, сохрани он какую-то власть над собой, то потихоньку убрался домой, юркнул под теплый бок к жене, хотя бы и неверной, и никому не сказал о страшной находке, ибо это вызвало бы неминуемые расспросы – что он делал на тропинке ни свет, ни заря? Зачем ходил на мельницу? Но он собой не владел. И с воем бросился прочь, зовя на помощь всех святых, соседей, священника и жену.

Когда рассвело, на перекрестке толпилась едва ли не вся деревня. Переминаясь с ноги на ногу, хлюпая носами, ругаясь, охая и молясь. Никто не решался дотронуться до умершей, или прикрыть ей лицо. Потому что боялись. Смерть ходила около них часто, не щадя ни младенцев, ни тех, кто полон сил, принимая обличье голода, гнилой горячки, моровых поветрий. Ежегодно кто-то тонул в реке, мог заблудиться в лесу и замерзнуть, или на дороге подвернуться под копыта коня разгоряченного охотника. так что смерть не внушала особен-

ного страха, она была привычна. Но не такая, не эта смерть. И уже нашлись те, кто шептал, что неспроста это случилось – ночью, на самом перекрестке дорог...

Крестьянин, нашедший тело, знал, что у мельника есть дочь, но никогда прежде ее не видел. Среди собравшихся кое – кто ее встречал, но не узнал в покойнице с измазанным кровью лицом веселую, лукавую девушку... И лишь, когда мельник пробился сквозь толпу и с плачем рухнул на колени рядом с трупом, они поняли, кто лежит на земле. И впервые заметили, что мельник – невысокий, лысый, сутулый человек с морщинистым вострым лицом. Никакой не колдун, не лиходея, заключивший договор с нечистой силой, способный застрашать любого, кто сунется к нему на мельницу. Но то, что он выкрикивал, давясь слезами и проклятиями, было похуже богохульства и колдовских заклинаний.

* * *

– И... с тех пор этого не было?

– Да. Потому что с тех пор я не покидал города. В городе этого никогда не случалось, не знаю почему.

– Она была третьей?

– Я понимаю, почему ты спрашиваешь. Сейчас говорят – семь, десять, дюжина... Да хоть тысяча, Господи помилуй! Я не знаю, сколько девиц убили в Тримейне, и вокруг него, но тех, кто были со мной – три.

Старик спрашивал, молодой человек отвечал. Но это не был допрос. Ибо молодой сам пришел к старику, и в голосе вопрошавшего страха и неуверенности было больше, чем у того, кто отвечал. Хотя отвечавший, вероятно, ожидал иного.

– Когда это случилось в первый раз?

– В октябре. После большого турнира. Ее отец был купцом, который что-то поставлял во дворец... Он поднял крик, но канцлер заплатил ему и велел уехать. Во второй раз – после рождества – когда травили волков. Она была дочерью егеря. И – вот – третий.

– Октябрь, декабрь, май... Случайно ли, сын мой?

– Я не думал об этом! Зато другие подумали. Несчастные, невинные девушки были жертвами для дьявольских шабашей! И то, что их всегда находили на перекрестках... где является нечистая сила... Ты сам-то веришь в эту ересь – про перекрестки? А уж насчет их невинности...

– Сын мой, не говори того, о чем после пожалеешь. Эти несчастные умерли, и умерли потому, что стали жертвами твоей похоти!

– Похоти? – Молодой человек усмехнулся, но смех этот был похож на кашель. – Я никого из них не тащил к себе в постель – ни этих, ни других, что были прежде. Они сами приходили ко мне, либо их приводили отцы – вымолить какую-нибудь грошовую милость – торговать на осенней ярмарке, рубить деревья в императорском лесу, построить запруду... Я давал им, что они просили, и забывал об этом, а невинность их нужна была мне, как мертвой собаке кость. Конечно, они с большей радостью принесли бы эту жертву императору, но с тех пор, как рядом с ним эта шлюха, до него не так просто добраться.

– Молчи! Не оскорбляй...

– Своего отца? Или тебя больше заботит честное имя госпожи Эльфледы? Которая от девок с Канальной улицы отличается только тем, что дороже берет!

– Пусть так. Но сказано: «Кто злословит отца своего – да будет анафема».

– А еще сказано – «отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина». Я хорошо знаю Писание, хотя Святой Трибунал и запрещает его читать. И он до сих пор ест этот виноград, а за ним и все прочие. Разве я виноват, что при дворе, стоит уклониться от их веселья, начинают на тебя смотреть как на убогого, на евнуха? Разве так было при жизни матери?

– Нет, но...

– А еще говорят, что сын вина – укус, и... – Молодой человек осекся. – Говорили. Может, лучше бы продолжали говорить. Лучше это, чем слыть кровопийцей, оборотнем, служителем сатаны! Я думал, что когда над тобой смеются – это плохо. Один кузен Раднор чего стоит... Но когда от тебя шарахаются... Я не покидаю Старый Дворец, чтобы не видеть их взглядов. А что толку?

Старик утомленно провел рукой по лицу, словно в поисках совета перевел взгляд на распятие на беленой стене. Комната не отличалась аскетизмом монастырской кельи, но все же обстановка была проста и строга. Стол без скатерти, узкая постель, ларь с книгами, пюпитр с принадлежностями для письма, табуретка и кресло, Это была единственная роскошь, которую позволял себе дворцовый капеллан – сидеть в кресле, потому как страдал болями в спине. Окно в комнате было высоким, стрельчатым, с цветными стеклами. Солнечный свет, пробиваясь сквозь них, окрашивал белый пух вокруг лысины исповедника в сумрачно-винные тона. Тот, кого старик называл духовным сыном, на деле годился священнику во внуки – ему было года двадцать два, но выглядел он старше: худое лицо, темные глаза, крупный рот углами вниз, каштановые волосы. Довольно приятное лицо, даже неправильной формы нос его не портил – если б не лежала на нем некая тень. И не уклоняющийся взгляд.

– Но как это могло случиться? – беспомощно спросил капеллан. – Как мог злодей... или злодеи... так близко подобраться к тебе? О сын мой, не предался ли врагу кто-нибудь из твоих слуг?

– Я думал об этом. Осенью... возможно – кто-то из дворцовых мог быть замешан. Там было множество людей из Нового Дворца... среди них с легкостью мог замешаться кто-то чужой, но... тогда о колдовстве не было и речи. Зимой и весной я ездил с малой свитой, с теми, кого знаю с детства. В последний раз при мне были только оруженосцы. Я не верю, чтоб они...

– Тогда как это могло произойти? Почему – если твои оруженосцы были с тобой – ты не приказал, чтоб они отвели этих несчастных к родителям?

– Я не знаю... – Молодой человек встал, и сделав шаг, едва удержал равновесие. Возможно, у него затекли ноги, пока он сидел на слишком низком для него табурете. – Не помню, почему. Я не помню, как они уходили – ночью, должно быть... не утром же...

– О, Господи! Неужели ты был так пьян? Еще один грех в добавление к прежним.

– Пьян? Наверное... Ты знаешь, я не люблю напиваться... не то, что Раднор. Но в последние месяцы на меня что-то находит... находило. Я не помню себя... не помню ничего... какой-то сон без сновидений... Но это не от вина, клянусь!

– От чего же? – Старик поднялся, шаркающей походкой приблизился к духовному сыну, положил руку ему на плечо. – Скажи мне... ни одно твое слово не выйдет из эти стен... Скажи, ты вправду не убивал их?

Молодой человек резко повернулся, и слабая старческая рука соскользнула его плеча.

– Ты не веришь мне, – с горечью сказал он. – Даже ты, мой исповедник, которому я всегда открывал душу... к которому я пришел за помощью и советом, мне не веришь.

Старик опустил голову.

– Один у меня совет для тебя – молись, молись, дитя мое. И я буду молиться за тебя всем сердцем, и в этом моя помощь. И еще... это не совет, а просьба... выполнив ее, ты поможешь себе сам. Сторонись женщин и девиц. Это ловушка, в которую уловляет тебя дьявол. Какие бы игрища сатанинские вокруг тебя ни творились, оборони себя щитом целомудрия – и будешь спасен.

– Уловляет, говоришь? – На сей раз в голосе молодого человека сквозила сдержанная ярость. – Я ждал от тебя большего, чем обычные увещевания. Уразумей, отец Эрменгер –

на сей раз речь не о разгульных увеселениях двора. Я и так уже спраздновал труса, когда укрылся здесь, в Старом Дворце. А если начну изображать отшельника, то все кругом еще сильнее укрепятся в своих подозрениях! Нет, хватит с меня! А если мне ставят ловушку, то посмотрим, кто в нее попадет!

Он вышел, грохнув дверь. Отец Эрменгер, прижав руку к сердцу, выждал, когда затихнут шаги. Близилось время мессы, и капеллан надеялся, что принц одумается и придет в дворцовую церковь мученика Агилульфа. А если нет, отец Эрменгер все равно будет молиться за всю императорскую фамилию, и за душу несчастного Йорга-Норберта, который из всех заданных ему нынче вопросов не ответил на самый главный.

* * *

– Люкет!

Оруженосец, пригнув голову, появился на пороге. Шею гнул не из одной почтительности – был высок, а притолоки в охотничьем доме – низкие.

Принц Йорг-Норберт спрыгнул на землю, бросив повод подбежавшему стремянному, и тот повел по двору гнедого. Люкет стоял в дверях, глядел на господина. Роба была как всегда, каменная – ничего нельзя понять. Эта невозмутимость, обычно вселявшая чувство надежности, сейчас раздражала, Норберт (по традиции, наследника престола из двух имен называли только вторым), поднялся на крыльцо. Поравнявшись с оруженосцем, тихо спросил:

– Ну?

– Здесь, в доме.

– Родители шума не поднимали?

– С чего бы? Им заплатили. И она тоже смекнула, а может, со страху обмерла...

– Значит, обошлось без слез и визга?

– Да.

– Это хорошо.... – Никакой радости, однако, в голосе наследника не слышалось. – Кто еще в доме?

– Где.

– Скажи ему, чтоб выметался.

Люкет открыл было рот, намереваясь если не возразить, то хотя бы выдвинуть какое-то предложение, однако промолчал и отправился выполнять приказание.

Норберт выждал, пока свитские не покинут дом и вошел, не оглядываясь. Люкет уселся, преграждая проход к двери. Никто, впрочем, и не пытался подойти.

Охотничий дом, в сравнении с другими загородными владениями, был невелик, чтобы не сказать мал – всего две комнаты, одна из которых могла служить и трапезной. Кухня была выстроена во дворе, Окна здесь не застекляли, и даже не вставляли в рамы слюду. Ставни, которые по прибытии гостей распахивали настежь, нынче были прикрыты, и несмотря на то, что сейчас темнело поздно, в комнате стоял полумрак. Норберт задержался у входа, чтобы привыкнуть к освещению. На миг ему померещилось, что он слышит всхлипывания. Но прислушавшись, не уловил ничего. Теперь он различал солидный дубовый стол, на котором располагалось угощение: жаркое и пироги, а также кувшин с вином. Норберт не ел с утра, но почему-то выставленные на стол яства ничуть его не привлекали. Дальше, у стены, была широкая низкая кровать, застланная меховым одеялом. Только обойдя стол, Норберт увидел на кровати скрючившуюся человеческую фигуру под наброшенным плащом. Плащ сбился, и видны были веревки, обхватывающие руки и ноги.

Проклятье, эти дураки вдобавок связали ее. Но их можно понять. Если девка в здравом уме, она бы непременно попыталась сбежать. А так она похоже, совсем отчаялась. Ее роди-

телям заплатили... Пустая трата денег, сказал бы кузен Раднор. Он считает, что простолюдинки и без того до смерти счастливы, если на них обратит внимание благородный господин. Может, он и прав. Но только не тогда, когда это счастье и впрямь доводит до смерти.

– Не бойся, – сказал он. Вряд ли это могло утешить полумертвое от ужаса существо, но других слов у него не нашлось.

– А я и не боюсь.

В ее голосе не было и тени волнения. С неожиданной легкостью она приподнялась и села, столкнув плащ на пол. Норберт застыл на месте. Он плохо запомнил девушку, которую выбрал для себя, и не был уверен, что узнает ее. Волосы у нее были темные – это он помнил, и кажется, утром они были длиннее... но лицо он восстановить в памяти не мог. И эти ореховые глаза под ровными дугами бровей... и кожа, слишком смуглая для уроженки Тримейна...

– Ты...

– Конечно, я не та, – сказала она, ничуть не смутившись под его пристальным взглядом. – Та, которую должны были забрать твои люди, надеюсь, уже дома.

На мгновение на него накатила волна ярости. Но ярость тут же сменилась страхом. Чего он боялся? Только не связанной девушки на постели.

– Кто тебя подослал?

– Твои друзья.

– У меня нет друзей. – Это признание отняло больше сил, чем борьба с яростью и страхом, хотя вырвалось само собой. Он опустился на табурет у окна, старчески ссутулившись.

– Ошибаешься, – сказала девушка. Едва заметно повела плечами, и веревка скользнула вслед за плащом. – Хотя это и видимость одна, а все же мешает, – заметила мнимая узница. Она спустила босые ноги на пол, – Так о чем я? Есть у тебя друзья. Враги же есть, почему бы и друзьям не быть?

– Враги?

– Кто-то убил девушек, которые были с тобой. И почти все в Тримейне верят, что это сделал ты. А хуже всего, что ты сам готов в это поверить.

– Откуда ты знаешь? – голос его дрогнул. – Я никогда, никому...

– Я – не знаю. Но есть те, у кого опыта побольше, чем у меня. Возможно, считают они, убийства – это средство, а цель – твой рассудок.

Она встала, прошлась по комнате. Подойдя к окну, слегка приоткрыла ставни. Она двигалась быстро, не без изящества, но это почему-то раздражало, потому что это было изящество ящерицы или змеи. Вернулась к столу, плеснула в кубок вина, отрезала кусочек мяса, но ни есть, ни пить не стала, а понюхала и попробовала на язык.

– Кажется, все чисто.

– По твоему, меня травят? – он слегка оживился. – Я уже думал об этом...

– Может, ты и прав. Но не сегодня. Хотя, если ты не веришь, я могу попробовать.

Он махнул рукой.

– А если это не отравка, то что же?

– Чтобы свести человека с ума, есть разные способы. Обмануть. Запугать. Лишить уверенности в себе. Ведь ты себя хотел испытать, верно? Привести девушку, и убедиться, что сможешь ее благополучно отпустить.

– Твои... друзья и об этом догадались...

– Это было нетрудно. Труд был в том, чтоб подменить несчастную дуреху, но это – моя забота.

– И зачем это вам нужно?

– Чтобы помочь тебе.

– Помочь? Не далее, как сегодня утром я просил помощи у своего духовного отца. Знаешь, что он мне советовал? Остерегаться женщин. Тогда и убийства прекратятся, и меня никто не заподозрит...

– Твой духовник, наверное, хороший человек, но ни черта в жизни не смыслит. А тот, кто смыслит, сказал бы: единственный способ обезопасить себя от всех женщин – обзавестись одной. Если б у тебя была постоянная любовница, никто к тебе не лез бы. И никто бы не удивился, что ты пошел по стопам родителя.

– Легко сказать! И откуда она возьмется, эта постоянная любовница?

– Получается, что это буду я.

Он расхохотался.

– Нет, какова наглость! Прежде всего – ты мне не нравишься.

– Я от тебя тоже не в восторге. Но разве об этом речь? Благородные господа теперь своих дочерей и жен по глубоким подвалам прячут. Простолюдинку ко двору ты привести не сможешь. Не возиться же тебе со шлюхами?

– А почему нет? – с неожиданной злобой возразил он.

– Если тебе действительно нужна любовница – оно конечно. Но тебе нужно выяснить, кто против тебя замышляет. Для этого мне необходимо попасть во дворец. Лучшей личины, чем фаворитка, для этого не придумаешь.

Норберт взмахнул руками так, что едва не столкнул кувшин со стола, обхватил голову ладонями.

– С ума сойти! Нахожу у себя в постели девку... неизвестно откуда взявшуюся... вещает, как по писаному... набивается в фаворитки... Безумие какое-то...

– Заметь, как ты повторяешь: «с ума сойти», «безумие». Думаешь, тебя надолго хватит?

– Да откуда я знаю, что ты не врешь? «Друзья!» А если враги? Если ты только хочешь перерезать мне глотку, как тем девушкам?

– Ты еще скажи, что я в родстве с кем-то из убитых, и хочу отомстить.

– Нет, – признался он. – об таком я не подумал.

– И это в твою пользу. Потому что, если б ты был виновен, то первым делом заподозрил меня именно в этом.

– Чепуха. Ты не можешь быть в родстве ни с кем из них. Все они были простолюдинками. А ты говоришь, как дама. А держишься, как...

– Шлюха? – любезно предположила она.

– Не знаю, – буркнул он. – И ты ничем не подтвердила, что ты не убийца. Я поверю тебе, только если ты скажешь, кто тебя подослал.

– Этого я, увы, сделать не могу. Если тебе так хочется верить, что я твой враг, убей меня. Выброси труп. И после этого в твою виновность поверят даже слуги, которые тебе преданы.

– А если я тебя просто вышвырну?

– Это ты тоже можешь сделать. Но вряд ли тебе кто-нибудь еще предложит помощь.

– Но если ты... и те, кто за тобой стоит... желают мне добра, почему их не назвать?

– Не могу. Слишком опасно.

– Для тебя?

– Не только. Ты боишься, что тебя травят ядом. Но это еще не худшее, что может происходить.

– Меня околдовали? – прошептал он. – Эти наваждения, провалы в памяти... все, что меня мучает... черная магия... я чувствовал, но не хотел признать.

– Не обязательно, – сказала девушка. – Но исключать нельзя. Ты не знаешь пределов Силы.

– А ты? – он взглянул на нее с доподлинным страхом.

– Хочешь спросить, не ведьма ли я? – уточнила она. – Нет. Даром я не обладаю. Но меня учили распознавать проявления.

– Так бы сразу и сказала, – Норберт вздохнул, словно сбросив тяжкий груз, – А то – фаворитка, любовница...

– Но это останется между нами. Никто не должен знать, зачем я при тебе. Даже самые верные из твоих слуг. Даже твой духовник. А любовь оставь до тех пор, когда все благополучно завершится.

– Если весь этот ужас завершится... Тем паче – благополучно.

– Вот что, господин мой и повелитель, ты совсем себя затравил, – серьезно сказала девушка. – Врагам и стараться не надо. Ты когда как следует спал в последний раз?

– Не помню.

– Оно и видно. Ложись в постель и отдохни. Бог даст, уснешь. А я послежу, чтоб дурного не случилось.

Он еще нашел в себе силы возмутиться.

– Без тебя есть кому сторожить.

– Они охраняют твой покой от того, что снаружи. А я буду стеречь от того, что внутри.

Норберт не понял этой фразы. Но ему было все равно. И впрямь, как под действием чар, он ощутил, как тяжелеют веки, и клонится голова. Но теперь ему не было страшно.

Он перебрался на постель, отстегнул перевязь с кинжалом и положил рядом с собой. Хотел позвать Люкета, чтобы стянул сапоги, но девушка опередила его.

– Давай-ка я помогу. Ну, вот и ладно... – Она разула его, укрыла одеялом и уселась на табурете.

И тут его осенило.

– Да, я же не знаю, как тебя зовут.

– Бессейра.

– Это что еще за имя такое? – буркнул он.

– Южное имя. Но ты можешь называть меня на здешний лад – Бесс.

2. Тримейн. Корпорация гистрионов «Дети вдовы».

О ты, коварством сильная царица! Ты с совестью своей не сможешь примириться Коли меня казнишь. А если и посмеешь Отдать приказ безбожный, не сумеешь Презренная, уйти от кары!

Женщина повернулась к другой, сидящей на троне. Тонкая рука взметнулась подобно белой молнии. По толпе прошелся вздох.

Ежечасно Терзаема ты будешь, и ужасна, Предательница, будет смерть твоя. О, трепещи, злодейка! Даже я, Простертая в грязи твоей темницы Счастливее тебя, моя царица!

Звучный голос, казалось, заполнял все пространство от рынка до церкви святой Айге, хотя женщина говорила без малейшего напряжения. Ее смоляные волосы, ниспадавшие до пояса, подчеркивали белизну одежд. И глаза, огромные, черные, взирали на мир с бледного лица.

Диниш на краю подмостков молча заламывал руки, в то же время следя за публикой. Все шло более, чем неплохо. Рыдали даже мужчины. До конца представления, не исключено, случится пара-тройка обмороков. Что ж, для этого публика сюда и пришла..

День был ясный, и с помоста можно было различить стену, окружавшую университетский квартал и очертания Приюта Святого Леонарда – одной из городских тюрем. А обернувшись назад, Диниш увидел за блеском и маревом воды башни Старого Дворца на Королевском острове. Ни одно из названных сооружений не вселяло в душу Диниша вдохновения. Уж лучше следить за благодарной толпой.

Вообще-то Диниш терпеть не мог «Миракля Святой Гизелы». Его память хранила множество стихов с богатыми созвучиями, сложной, виртуозной рифмовкой, и эти старинные, убогие вирши его оскорбляли. Но что делать – «Миракль Святой Гизелы» – единственное, что им разрешили играть в Тримейне, и даже не на главной площади. Еще дозволено было представлять в Южном подворье. Конечно, на это можно было прокормиться. Однако какие были планы!

Известие о том, что в столице распущены братства горожан, представлявших по праздничным дням и воскресеньям, Диниш воспринял как благое. Еще раньше, под страхом отлучения, в Тримейне было запрещено играть перед публикой служителям церкви. При этом гонения не коснулись, вопреки обыкновению, жонглеров, игроков всех родов и музыкантов. О клириках, объединявшихся в литургические группы, Диниш старался не думать. Чем меньше имеешь дело со священниками, тем спокойнее. Но к горожанам, баловавшимся игрой на сцене, он испытывал тихое презрение профессионала. И они еще смеют отбивать хлеб у настоящих актеров! Это все равно, как если б человек, умеющий залатать дырявый котел, вздумал тягаться с ювелиром! И, поскольку пространство было очищено от любителей, Диниш надеялся пожать достойную жатву. Помимо мастерства у него в запасе были неоспоримые козыри. В его труппе играли женщины, в литургические труппы никогда не допускавшиеся. В городских сообществах иногда женщины встречались. Но разве могут эти неуклюжие тетки, не умеющие ни встать, ни пройти, или повернуться, сравниться с Зикой, не говоря уж о Дагмар!

При таких обстоятельствах Диниш надеялся получить разрешение играть в доме городских старшин, не завися от капризов погоды и переменчивой щедрости толпы – платили за такие представления непосредственно из городской казны. И, может быть, пробиться в нескончаемую череду празднеств при императорском дворе...

Действительность оказалась куда суровой. Новые законы не требовали преследований актеров, но накладывали на них существенные ограничения. Играть можно было только в определенных местах, в основном, в гостиничных дворах. Что, когда и сколько раз пред-

ставлять, решал церковный совет. Все эти ограничения, безусловно, не касались тех комедиантов, кому дозволено было развлекать особу императора и его приближенных. Но там все теплые места были забиты под завязку. И приедем актерам, не имевших в столице покровителей, попасть в число счастливых было почти невозможно.

Так что все получилось, как обычно. Лучше, чем могло бы, но хуже, чем хотелось. Церковный совет дозволил только «Святую Гизелу», говорят, по ходатайству настоятельницы монастыря во имя этой святой, поскольку досточтимая особа, происходившая, вдобавок, из знатного семейства, питала слабость к назидательным представлениям. На Соборную площадь их не допустили, но узнав, что там теперь происходят публичные казни, Диниш счел, что это к лучшему. Такой сильной конкуренции они бы не выдержали. Дагмар, представляя святую Гизелу, сумеет пронять толпу и у Соляного рынка. Он не ошибся. Дагмар любила этот мирacle не больше, чем он, может, даже меньше, но когда доходило до дела, оба умели отодвинуть личные пристрастия в сторону.

Голос Дагмар изменился. Он стал нежным, ласковым, почти вкрадчивым – святая Гизела уговаривала злую царицу покаяться. И тримейские ремесленники со своими увесистыми женами и сопливыми детьми, недоучившиеся клирики и подслеповатые писцы, богатые негоцианты и бедные дворяне – все, кого в этот час занесло на площадь, слушают, затаив дыхание, и надеются, что все кончится хорошо, и святую не казнят! И никто не узнает в Гизеле ту, что недавно выламывалась перед ними в буффонаде! Труппа, носящая гордое наименование «корпорация гистрионов «Дети вдовы», насчитывала всего шесть человек, и умение быстро, почти мгновенно переодеваться и менять грим было необходимым условием представления.

Как и положено, злодейка не раскаялась.

Матфре, изображавший палача, накинул на шею Дагмар петлю и принялся старательно душить. Но не успела еще публика прийти в себя от ужаса, как последовало справедливое возмездие. Черти – братья Гиро и Баларт – потащили злую царицу в ад, чем, к общей радости, представление и закончилось. Обычно его завершала общая пляска, но теперь церковный совет это запретил. Что ж, раз так, Диниш велел Дагмар и Зике и не высовываться. Нечего им отвлекать публику, пока «черти» с шуточками и гримасами будут собирать деньги. Матфре тем временем уберет в повозку задник, трон и прочее барахло.

К закату повозка вернулась на Южное подворье. Диниш, успевший по дороге избавиться от длинной накладной бороды царского советника, пошел договариваться с хозяином насчет вечернего представления. Там, как и ожидалось, требования были обратны желаниям церковного совета. Пляски, музыка, и никаких назиданий.

Вернувшись во двор, он застал Дагмар у бочки с водой. Она сменила наряд святой на старое холщовое платье. сняла черный парик и смывала с лица белила и уголь.

Всякий знает, что святые, знатные дамы и влюбленные девицы должны иметь золотые волосы и голубые глаза. Черные волосы (а у мужчин также и бороды) пристали только злодейским персонажам, а рыжие – предателям. Но Дагмар настояла на том, чтобы надеть черный парик и обвести глаза широкими черными полосами. И – странное дело – в этом облике она удерживала внимание толпы сильнее, чем любая другая актриса на памяти Диниша. Он уже перестал с ней спорить. Но его порой зачаровывало, если не пугало, когда она избавлялась от грима. Женщина, мужчина, чертовка, святая, неважно кто : персонаж, полный жизни и огня, в реальность которого успел поверить, исчезает, и на твоих глазах из под него проступает – нет, не другой. Никакой. С картины стерли краски, остался непрорисованный холст.

Диниш не отличался красотой даже в молодости – у него были торчащие скулы и приплюснутый нос. Но его это не смущало. Он любил говорить, что не смазливая рожа, а рост и голос делают актера. Может быть, к актрисам это было не вполне применимо, но... Рост у Дагмар был подходящий, голос богатый, а облик совершенно бесцветный. Когда Диниш с

ней познакомился, она была еще более «никакой», чем теперь. За годы бродячей жизни она хотя бы загорела, а раньше кожа ее казалась такой же тусклой, как глаза и волосы.

Она утерла мокрое лицо рукавом и сказала в пространство:

– Чтоб я еще раз стала произносить эту чушь...

– Сколько раз я слышал от тебя такой зарок...

– Возможно. – Это было любимое ее присловье, и Диниш поморщился, услышав его.

Из повозки высунулся Матфре и махнул рукой. Диниш догадывался, о чем будет беседа, и это доставляло мало радости. Но когда-то обсудить дела было нужно, и он последовал за помощником.

– Что делать будем, старший? – спросил Матфре.

– Играть, что ж еще!

– Я не про сегодняшний вечер.

– Я тоже.

– На площади нам представлять больше нельзя. Здесь долго сидеть мы не можем.

Нужно нового места искать. Или подаваться на Север.

– На Север? – Диниш поднял брови.

– А что такого. Мы туда ходили, когда, можно сказать, зола после мятежа не остыла. И ничего, вернулись с целой шкурой. А сейчас там говорят, все спокойно.

Диниш промолчал.

– Или, может, попробовать все же ко двору? Когда их величество в духе, сказывают, он сыплет золото горстями.

– Вот потому-то нас там могут сгрызть живьем, – вздохнул Диниш. – Я говорил тебе – нужен покровитель.

– Может поискать... здесь знатных господ, что во дворец вхожи, пруд пруди.

– Не сунуться ли нам к господину канцлеру во дворец?

– Ты еще скажи – в Старый Дворец!

– Типун тебе на язык! – Матфре сплюнул и перекрестился. Он был суеверен, как все актеры. – Мне еще жить не надоело! Вот в Новый...

– Хорошо бы... Ладно, я подумаю. К ночи скажу. Что нынче предлагаешь?

– Ничего такого. Приустали все. Гиро и Баларт покривляются, и хватит с них.

– Маловато. Петь придется, и пусть Зика танцует.

– Может, ты еще танцы с мечами прикажешь устроить? Зика против Дагмар.

Диниш не понял, всерьез это предлагает Матфре или язвит.

– Обойдутся. Ступай, отдыхай, пока публика не соберется.

Матфре отправился в гостиницу промочить горло, а Диниш остался сидеть, размышляя. Поездка на Север... Танец с мечами... с этого все и началось.

Тогда, четыре с лишним года назад их занесло в герцогство Эрдское не в самое лучшее время, а прямо сказать – в поганое. Мятеж в Вальграме был только что подавлен, войска герцога Тирни и принца Раднора все еще наводили порядок. По лесам прятались дезертиры, на дороги вышли разбойники. Вдобавок и «корпорацию» посетило несчастье. В пути умерла Фотина, старшая из актрис. Взяла и померла, неизвестно с чего. Может, простудилась, или надорвалась, а может, просто время ее пришло, много ли надо на пятом десятке! Зика горевала по матери, но она была комедианткой и дочерью комедиантки, и отплакав, продолжала петь и плясать. Другие тоже. Они почти не играли тогда фарсов. Неподходящее это было зрелище по тем временам. Что ж, у них имелись в запасе другие зрелища. И находились люди, готовые за них заплатить. Одни – чтоб забыться, другие – чтоб развлечься.

В тот день они остановились возле городишки, название которого Диниш забыл. Остановились на лугу, там же и представляли. На площади не было места – в городе стоял стоял

какой-то воинский отряд, там же ошивались неизбежные в такие времена бродяги, лишенные крова.

Рыцарь, командовавший отрядом, оказался не вовсе лишен куртуазности, и был не прочь побаловать себя и своих людей представлением. Но, помимо прочего, пожелал увидеть «танец мечей». Что ж, «Дети вдовы» могли ему это предоставить. В труппе Диниша показывали довольно редкий вариант этого старинного танца, бывшего когда-то воинским упражнением. В Эрде его всегда танцевали мужчины, не меньше, чем вдвоем, или так, чтоб число участников всегда оставалось четным. На юге допускался и одиночный танец, женщины также могли его исполнять. Вероятно, в древности к этому отнеслись бы как к кощунству, теперь же смотрели, как на забавный курьез.

Комедианты воткнули в землю двенадцать мечей остриями вверх. Разумеется, это были всего лишь грубо обработанные полосы железа – даже если б вся труппа запродавалась в рабство, они не добыли бы денег на дюжину боевых мечей. Они располагались вроде бы в произвольном порядке, а на самом деле в сложном, определявшем фигуры танца, требовавшем пробежек между близко поставленными лезвиями, прыжков через острия. Танец мечей танцевали босиком, и во времена боевых мечей человек, не обладавший ловкостью и умением, истекал кровью. Да и теперь, когда воинское упражнение стало забавой, ноги можно было посечь презрительно.

Гистрионы взялись за инструменты. У Гиро был бубен, у Баларта – флейта. Матфре, казавшийся самым грубым и мрачным из троих, играл на нежной лютне. Зика, высоко подоткнув платье, вскинула руки. Мужчины исполняли этот танец, держа мечи или короткие копья. Диниш подозревал, что женщины в прежние времена – тоже. Но сам он этого не видел, не говоря уж об остальных. В руках Зики были всего лишь кроталы. Она щелкнула ими, Гиро ударил в бубен, и начался танец.

Диниш, следуя привычке, присматривал и за действием и за публикой. Ее набралось больше, чем он предполагал.

Помимо благородного заказчика, гордо восседавшего на коне, и его приближенных, поглазеть на диковинный танец явились и солдаты, а следом за ними подтянулись и бездомные, бродившие в окрестностях городка. Это были не мирные и скандальные нищие, которые были привычны в других краях, а люди молчаливые, потерянные, замкнувшиеся в себе. Тем опаснее они могли быть, очнувшись от ступора, и Диниш, обычно не терпевший солдатни, был рад ее присутствию. Беженцы, сидя на земле, наблюдали за танцем молча, а солдаты, наоборот, выражали шумное одобрение как мастерству актрисы, так и ее прелестям. Зика, не будучи красавицей, умела с достаточной выгодой преподнести то, что в ней было хорошо – покатые плечи, пышную грудь, кудрявые каштановые косы. Выглядела она несколько медлительной, но с необъяснимой легкостью проскальзывала между мечами и прыгала через них. Ноги ее при этом открывались столь высоко, что у солдат вырывался восторженный вой.

Рыцарь оказался еще благороднее, чем ожидалось. Он одарил актеров пригоршней монет, среди которых затесалась даже одна золотая, и не потребовал себе Зику. Впрочем, возможно, он рассчитывал, что она сама к нему придет. Диниш также не исключал такой возможности. Если Зика загуливала слишком откровенно, Матфре бил ее, но ради пользы дела мог закрыть глаза. А безопасность труппы того стоила. Греха попустительства тут нет – они не венчаны. Многие актеры имели семьи, но трудно было найти таких, чтоб принесли брачную клятву у алтаря. Не потому, что были столь уж беспутны. Актеры, в силу греховности своей профессии, считались недостойными церковных таинств. Трудно было найти священника, который согласился бы венчать актера, либо отпевать его, если только актер не отрекся от ремесла. Об этом размышлял Диниш, когда услышал голос:

– А можно мне?

Говорили на эрдском диалекте. Голос был женский. А назвать женщиной ту, что стояла перед ним, было бы слишком лестно. Это была беженка. Как все они – наполовину чучело, наполовину призрак. Ворох тряпья, из которого торчит башка с волосами как пакля.

– Чего тебе надо? – нелюбезно осведомился Диниш на том же наречии.

– Я спрашиваю – можно мне попробовать? – она указала на мечи. Гиро как раз подошел к ним, чтобы вытащить из земли и унести.

– Ты хочешь танцевать?

Она кивнула.

Более нелепой затеи Диниш представить не мог. Это пугало огородное хочет сплясать танец, которому нужно долго учиться. С ума она спятила, что ли?

А ведь и правда, спятила. Сейчас, после голода и мятежа, многие рехнулись умом, а смотреть за ними некому, вот и бродят по дорогам.

Диниш оглянулся. На лугу, кроме них с Гиро и беженки, никого не осталось. Ладно, подумал он. Говорят, танцами лечат. Вот пусть и полечится. Ноги побьет, сразу в голове прояснится. Сделаем доброе дело, заодно и развлечемся...

– Гиро, – сказал он. – Возьми-ка бубен.

Тот с ухмылкой подчинился.

Женщина, подражая Зике, подоткнула подол – ноги у нее красивые, стройные, отметил Диниш. Вскинула руки и двинулась к мечам. Она танцевала без музыки, только под бубен. И первая мысль Диниша была – Гиро задал слишком быстрый темп. Вторая – черт побери, как точно эта баба запомнила движения Зики! Может, она знала танец раньше. И больше он не думал. Он смотрел.

Побродяжка точно повторяла фигуры, исполненные Зикой. Но... танец был какой-то другой. Не потому что Гиро, умышленно или случайно заставлял ее двигаться быстрее. В этом танце мечи не становились острой (во всех смыслах этого слова) приправой к женской прелести. И прелести тоже не было. Опасность не выглядела двусмысленной, как в танце Зики. В нем была ясность, суровость и простота. Сквозь нынешний облик танца проглянуло его первоначальное предназначение. Хотя ладони женщины были пусты, Диниш мог бы поклясться, что видит мелькание вращаемых над ее головой мечей.

– Хватит! – крикнул он.

Гиро опустил бубен. Он выглядел уставшим, сильнее, чем женщина. Диниш махнул ему рукой – свободен – и обратился к беженке.

– Ты училась этому танцу?

– Я увидела, как она танцует, и мне захотелось сделать так же.

Диниш не склонен был верить, но чувство это было ему знакомо. Женщина тем временем успела подойти к нему, и теперь Диниш видел, что по возрасту, если не по каким либо иным признакам ее лучше называть девушкой. Более того, наружность ее оказалась не так неприятна, как померещилось ему вначале. Правильные черты лица, большие глаза... и при этом взгляду не за что зацепиться. Разумеется, вряд ли большинство жителей Эрда могло нынче похвалиться здоровой полнотой и ярким румянцем. Но блеклость собеседницы выглядела не следствием пережитого, а неотъемлемым свойством ее натуры.

– Садись.

Она, не смущаясь, последовала приглашению.

– Попробуем узнать, на что еще ты годишься.

Она не засмеялась и не возмутилась этими словами. Правильно, Диниш имел в виду совсем не то, что подумала бы любая женщина. Или почти любая. Он протянул ей лютню. Она покачала головой.

– А петь ты умеешь?

– Возможно.

Ответ ему не очень понравился, однако он сказал:

– Я начну, а ты подтянешь.

Он запел «Нет, я, дитя, тебя не стою». Эта песня, подхваченная Динишем на Юге, не слишком подходила к обстановке. Вернее, совсем не подходила. И в мирное время она не воспринималась публикой ни в деревнях, ни на площадях. Зато хорошо шла в бургерских домах, куда актеров, бывало, приглашали на семейные праздники. Чувствительные купчихи прижимали руки к заплывшим жиром сердцам и промокали глаза, их суровые мужья задумчиво сопели, а к выплате актерам добавлялась жареная курица или кувшин вина, а то и звонкая монета. Здесь же, в сумерках, на пустынном лугу, песня была неуместна. Но Диниш выбрал именно ее, потому что она имела довольно сложную мелодию. Кроме того, никто в труппе не исполнял ее лучше Диниша, а ему, несомненно, хотелось прихвастнуть мастерством.

Нет, я, дитя, тебя не стою, Хоть видеть мне и тяжело, Как слезы мутной пеленою Туманят юное чело. Я стар, и зол и равнодушен, Мне жить привычной одному И, как твоя, невинным душам, Мое соседство ни к чему. Прости, что редко замечаю Твой взор, исполненный мольбы. Я слишком ясно различаю Шаги безжалостной судьбы. Мой путь в конце, а твой в начале Душа болит, а сердце спит. Не стою я твоей печали. Прощай, пусть Бог тебя хранит.

Дойдя до этого места, он вернулся к началу. Она подхватила. И – удивительно, второй голос не просто следовал за первым, он откликался, обтекал его, как река, отступал и заманивал. Диниш не понимал, как им удалось добиться, чтоб, их голоса звучали в нерасторжимом единстве – и с первого раза, без повторов, сбоев и неудачных вариаций. Он даже зажмурился от удовольствия.

Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Песня смолкла, и Диниш снова взглянул на – как ее называть?

– Кто ты и как тебя зовут?

– Тебе это интересно?

– Нисколько.

– Тогда зачем спрашиваешь?

– Должен же я что-то знать о женщине, которую собираюсь принять в труппу.

– Разве я об этом просила?

– Словами – нет, но выразилась понятней некуда.

– Ты прав. Кто я... – она умолкла, но пауза была очень короткой. – Нашу деревню сожгли мятежники, их кони вытоптали поля, и я побираюсь Христа ради... Мы с мужем ехали на ярмарку, но разбойники разграбили наш обоз... а мужа убили. Мой замок конфискован, мой род вне закона, и я бегу от герцога.

– Врешь ты все, это ясно, как день.

Насчет деревни она врала безусловно. У нее были узкие ладони с длинными пальцами. Руки не испорчены грубой работой. У крестьянок таких не бывает. Однако и насчет замка... Конечно, есть знатные люди, потерявшие после войны свои земли, но по дорогам они не бродят.

Однако в этой лжи не было обмана. Словно она просто повторяла чужие слова.

– А имя... имя мне – Дагмар.

По эрдски «Дагмар» означало «ясный день». Опять она соврала. Но Диниша это не смутило. Правда жизни его не волновала. Он знал другую правду.

Дагмар осталась с «Детьми вдовы». Конечно, она стала женщиной Диниша. Иначе это было бы нелепо. Отношения их пылкостью не отличались, и много они друг от друга не требовали. Динишу пора было поберечь силы, а Дагмар... Несомненно, когда они играли или пели вместе, она испытывала – да и доставляла удовольствия больше, чем в постели. Можно было счесть, что молодая женщина скучает и тяготится стареющим сожителем, но

Динишу хватало ума и опыта понять, что это не так. Ее силы, ее пыл принадлежали подмосткам. За их пределами Дагмар не волновало ничего: ни деньги, ни наряды, ни мужчины. Поэтому Зика, не отличавшаяся мягкостью и добросердечием, не ревновала и не завидовала Дагмар, оттеснившей ее с первых ролей. Обе они были актрисами, но Зика играла, чтобы жить. Дагмар жила, чтобы играть. Все равно, что. Не помня себя и не зная усталости.

Диниша эта жадность не отталкивала, хотя порой и удивляла своей безграничностью. Так и следовало жить комедиантам. А чтоб она не доходила до крайности, на то он и глава труппы. Но, как глава труппы, он обязан был решать не только за Дагмар. За всех остальных – тоже. И Матфре сегодня ему об этом напомнил. А это была тяжкая обязанность. Сумеешь ли набить брюхо и кошелек или потеряешь все, включая жизнь – порой зависит от того, какую дорогу выбрать. А для актера нет безопасных дорог. И нужно приучаться обходить опасности.

Многие актеры, опасаясь роковых ошибок, перед тем, как отправиться в путь, обращались с молитвами к образам и статуям святых и праведников, известных милостью к странствующей братии – Юлиану и Генезию, Козьме и Дамиану, а паче всего – царю Давиду и пресвятой деве Марии.

Ничего этого Диниш не сделал. Он был суеверен, как и подобает комедианту, но практические соображения взяли верх. Ночью, когда они отплясали и отпели перед постояльцами, он сказал остальным:

– Мы здесь засиделись. Пора искать новое место. Может, нам повезет при дворе...

Матфре нахмурился. Именно такого эффекта Диниш и добивался.

– ... не при этом дворе. Не думаю, что в Эрденоне меньше веселятся, чем в Тримейне, а нравы там попроще. Нас не приняли у императора. Что ж, мы поищем милости герцога.

– Итак, вперед, на Север! – воскликнул Гиро, и брат подмигнул ему.

Матфре был настроен не столь восторженно, хотя сам это предложил.

– Дай Бог, чтобы это путешествие было лучше прошлого. – Так он выразил согласие.

Диниш повернулся к женщинам. Недовольства следовало ждать прежде всего от них.

И он не ошибся. Хотя бы в отношении Зики. Она надулась.

– Опять застрянем до холодов... ненавижу снег!

– На Север так на Север, – сказала Дагмар. – Мне все равно.

3. Тримейн. Университетский квартал.

Если продвигаться по суше, то в столичный город Тримейн можно попасть через пять ворот. Не так уж много для такого большого города. С четверть века назад ворот в Тримейне было шесть. Но одни ворота – Южные – оказались лишними.

Тримейн был единственным городом империи, могущим похвастаться собственным университетом. Но похвалялись им разве что высокоученые доктора, судьи и авторы хроник. Для городских властей Тримейна университет был источником головной боли, а для простых горожан – рассадником всяческих безобразий. Нет, наверное, схоляры не только пьянствовали, орали по ночам под окнами добропорядочных бюргеров и задирали юбки служанкам, но и науками занимались. Но происходили эти занятия в стенах факультетов, и видеть их горожане не могли, а вот вышеперечисленные действия созерцали ежедневно.

Студенты объединялись в землячества, и представители разных землячеств то и дело сталкивались между собой. Но все они забывали о внутренних распрях ради драк с мастеровыми, купеческими приказчиками или матросами с речных кораблей. Особым императорским эдиктом схолярам запрещено было владеть оружием. Не помогло. Дубинки, залитые свинцом или заточенные железные прутья официально оружием не считались, но действовали не хуже мечей и кинжалов. Особо ожесточенные драки происходили у патриотично настроенных схоляров с жителями соседних кварталов, где из-за близости Соляного рынка, издавна селилось много приезжих, как купцов, так и ремесленников, причем приезжих не только из других уделов империи, но также иностранцев. Из-за этих драк университетский квартал обнесли высокой кирпичной стеной. Однако вражда достигла такой степени, что и стена не спасла. То есть ею пренебрегли. Однажды схоляры, спрятав под одеждой оружие, в течение дня небольшими отрядами покинули свой квартал и, дождавшись ночи, вполне профессионально сняли стражу у Южных ворот и ворвались на территорию ненавистных соседей. Лавки и мастерские были разграблены, хозяева жестоко избиты, женщины изнасилованы. Были и убитые. В довершение всего начался пожар. В церкви святой Айге ударили в набат, ему ответили колокола у святых Иеронима и Агилульфа. К месту побоища сбежалось едва ли не пол-города. Пожар, к счастью, удалось погасить, но урон, нанесенный ремеслу и торговле в Тримейне, был огромен. И если бы речь шла только об иностранцах! Захваченных на месте схоляров по приказу Городского совета препроводили в Приют Святого Леонарда, а особо рьяных, тут же, без суда, пока угли не остыли(в прямом смысле) вздернули на берегу Трима. Университетские власти возопили о беззаконии, о поправленных древних и благородных вольностях, и потребовали освобождения томящихся в узилище. Власти городские ответили встречным требованием – выдать зачинщиков беспорядков, укрывшихся от правосудия в университетском квартале. На что было сказано, что те, ежели найдутся, будут судимы местным судом, ибо у университете, как известно всем, даже безмозглым профанам, заседающем в ратуше, есть право собственного судопроизводства, так же, как и право самоуправления. На что было отвечено, что университетскому судопроизводству, покровительствующему насильникам и убийцам, горожане не доверяют, а что до права на самоуправление, то проклятые латинисты могут вставить его себе вместо клизмы. Оскорбленные до глубины души профессор и студенты дружно покинули Тримейн и встали лагерем у монастыря сервитов, где аббатом был давний питомец богословского факультета, и заявили, что не вернуться в этот богопротивный город, и будут жить в единении с природой, пока синдикат¹ не принесет формальных извинений и не возместит понесенные университетом убытки. А поскольку синдикат и не думал этого делать, профессора обратились с жалобой к канцлер-

¹ Городское управление.

скому суду. В конце концов в дело вмешался сам император Ян-Ульрих, в те поры молодой и не утративший вкуса к государственным делам. По его настоянию тяжущиеся стороны пошли на мировую. Служители науки вернулись под сень факультетов, узники Приюта Святого Леонарда получили различные меры наказания, – в зависимости от степени виновности – от колодок и позорного столба до тюремного заключения и высылки из Тримейна.

О возмещении убытков – и выдаче зачинщиков – речи уже не заводили. А злосчастные Южные ворота, сквозь которые вошли буяны, велено было, во имя вящего спокойствия города, навечно замуровать (хотя лучше было поступить так с Новыми воротами университетского квартала). Впоследствии на этом месте была выстроена больница для неимущих, что под патронажем сестринской бегинской общины Марфы и Марии.

Но все это было давно. Участники событий умерли, либо стали почтенными мужами и вспоминали о подвигах молодости со смехом, а то и со слезой умиления. Теперь Тримейнский университет жил не более и не менее бурно, чем другие заведения, подобные ему, и ничего такого, что могло бы потрясти столичную жизнь, там не творилось. Тем паче – в пору летних вакансий, когда занятия прекращаются, и большая часть студентов покидает квартал. Конечно, не все они жили там в течение года. Были студенты родом из Тримейна, не покидавшие родительского крова и не хлебавшие бурду в казенных едальнях. Но таких презирали как неженков и слабаков, что боятся отцепиться от маминого подола – презирали, в глубине души завидуя. В основном же схоляры были приезжими, и летом некоторые возвращались по домам, надеясь откормиться на год вперед. Однако иные родители возвращение изголодавшихся чад вовсе не приветствовали. Другим чадам и возвращаться было некуда. Такие просто пускались по дорогам, добывая пропитание нищенством, пением песен, воровством, разнообразными мошенническими проделками, и, в виде исключения, нанимались на какую-нибудь работу, не оскорблявшую их интеллектуального достоинства, например, писарскую. Те, кто не мог найти в Тримейнском университете чаемых знаний, или просто из непоседливости, использовали вакансии, чтобы за это время добраться до чужестранных университетов или до карнионских юридических и медицинских школ. Само собой, и в Тримейн приходили такие же странники. У некоторых это паломничество превращалось в настоящую страсть и одновременно – образ жизни, и на дорогах империи, да и за ее пределами можно было встретить схоляров, разменявших четвертый десяток, но все еще не удостоенных ученой степени.

Однако и летом жизнь в университетском квартале не замирала полностью, ибо, что бы там не утверждали профаны, университетский квартал – это целый город со своими обычаями, законами и потребностями – со своей властью, наконец! Жилище здесь предоставлялось и прославленным докторам и голоштаным голиардам. А то, что профессора, живущие при университете, обитают в благоустроенных квартирах, а студенты дают койки в вонючих дормиториях, так все зависит исключительно от научных заслуг и остроты ума! Ибо в аудиториях все равны – и сыновья вельмож, и дети ремесленников. И если говорят, что городской воздух делает свободным, то воздух университета воистину опьяняет.

В университете было три факультета – свободных искусств, богословский и юридический. В последние десятилетия иные университеты обзавелись и медицинскими факультетами. В Тримейне этого не было, но и без того университет располагал немалым количеством коллегий, при которых жили профессора и надзиратели. Для студентов имелись особые жилища, однако в дневное время там редко кого можно было застать. Теперь свободные от занятий схоляры предпочитали проводить время в кабаках, либо на улице. Недавние первогодки, несколько месяцев назад бывшие несчастными желторотыми беанами², обижаемыми и унижаемыми старшекурсниками, теперь стремились блеснуть своей опытностью перед новичками будущего года, лелея сладкие надежды по осени всласть поиздеваться над

² Беан – на средневековом университетском жаргоне презрительное название новичка, «салаги».

этими молокососами, с потерянным видом бродящими по кварталу. А действительно тертые схоляры собирались, чтоб обсудить свежие новости – кто и откуда прибыл, а кто покинул благословенный Тримейн, что слышно в городе и при дворе, и какая от этого может быть польза. Придумывали различные способы выкачивания денег, жратвы и выпивки из филистеров. А то и просто горланили песни, ибо схоляры в Тримейне, как и повсеместно, были великие мастера складывать искусные вирши. Раньше сочиняли они исключительно на благородной латыни и предназначались сии творения лишь для слуха знатоков, но в нынешние времена все чаще звучали песни на вульгарном наречии. Пели о греховности этого мира, о глупости мужичья, о великом братстве детей *Alma mater*, и больше всего – о вине. И сейчас кто-то, тренькая на мандолине, выводил:

Ты в ученьи день и ночь, Поглощен трудами, Но кидай науки прочь И спеши за нами. Брось чиниться! Отпускай Душу на свободу. А профессора пускай Пьют одну лишь воду. Полюбуйся же красе Нашей нищей воли! Все равно там будем все, Как – не все равно ли...

– Эй, Райнер! А из причетников-то, говорят, тебя поперли!

Вздохмаченный парень, которого окликнули через улицу, ослабившись, выставил напоказ крепкие зубы, еще не успевшие почернеть от дурной еды.

– Ничего! В шуты наймусь до осени к кому-нибудь из наших вельмож. Пока в Тримейне есть двор, дураки всегда будут нарасхват!

Этим приработком схоляры пока не брезговали. Позорно ремесло скомороха, кривляющегося перед вонючей толпой, но нет ничего дурного, чтобы увеселять просвещенного покровителя. К тому же, это не профессия, а так, мимолетный каприз гения.

Прервав разговор, студенты с достоинством поклонились шествующему по улице пожилому человеку, и тот ответил им сдержанным кивком. И пока он не скрылся из виду, схоляры помалкивали, несмотря на то, что не сдерживали языки и в присутствии знати. Этот прохожий был облачен в мантию и берет того же покроя и цвета, что студенческий, и отличавшийся от них лишь лучшим качеством сукна. Однако ректора студенты узнавали и без торжественного эпомидема и серебряного жезла.

Бенон Битуан, доктор богословия, неизменно переизбирался на этом почетном посту уже четыре года, а преподавал в университете больше двадцати. Его никогда не посещал соблазн занять кафедру в другом городе, и тем паче – в другой стране. Таким образом, если считать годы учения, вся его жизнь, кроме несмысленного детства, прошла в этих стенах. И никакой другой жизни почтенный доктор не представлял. Честолюбив он не был, и не раз говорил, что коллега, к которому он направлялся сейчас, был бы лучшим ректором. Но тот никогда не выставлял свою кандидатуру на выборы, ссылаясь на то, что обязанности, которые он выполняет, помимо преподавания, забирают и время и силы. И тут возразить было нечего.

Ректор пересек площадь Трех Коллегий(мощеную, что составляло гордость университета) и так же, не спеша, обошел здание Коллегии Григория Великого. Он был невысок, от возраста несколько оплыл, гладко выбритое круглое лицо с подрагивающими щеками стягивала сетка морщин. И ходил он не торопясь не только ради соблюдения солидности, но и потому, что его мучило колотье в боку.

Обогнув здание, ректор вошел во внутренний двор, украшенный скудными цветочными грядками и чахлыми кустами и поднялся на крыльцо. Открыл ему Стуре, фамулус. Одной из обязанностей студентов было прислуживать профессорам, и некоторые на такой должности приживались. Стуре был из этой породы. Он еще не достиг возраста «вечного студента», но в двадцать с чем-то лет не стал ни бакалавром, ни лицензиатом – не в силу тупости или порочности, а по причине духовной, если не физической вялости. Белобрысый, с пухлым, что называется «непропеченным» лицом он, моргая светлыми ресницами, уставился на Бенона Битуана.

– Доктор у себя? – осведомился ректор.

– Да, ваша магнифициция, – фамулус распахнул дверь, пропустив посетителя.

Доктор обоих прав Лозоик Поссар занимал в коллегии четыре комнаты – одну из самых больших квартир, предоставляемым университетским преподавателям. Но доктору Поссару и требовалось много места – для большой специальной библиотеки, но также и для обширной документации, проходившей через его руки. И при том, что на полках вдоль стен не видно было проемов, стопки книг лежали и на рабочем столе доктора, не тесня, впрочем, кожаных папок и шитых тетрадей.

Доктор Поссар встал, приветствуя ректора. Он был ненамного моложе Битуана, но гораздо крепче и энергичнее. Во всех смыслах. Успел поехать и по Европе, и по империи, а в Тримейне осел несколько лет назад, но за короткий срок приобрел высокую репутацию как среди юристов, так и среди богословов, прибегавших к его консультациям по многим спорным вопросам.

Доктор Поссар предложил ректору кресло и крикнул Стуре, чтобы подал вина.

– Только разбавленного, – поспешил добавить ректор. – Хотя я и богослов, но по-богословски³ пить уже не в моих силах – печень...

– Слышал, что говорит его магнифициция? Ступай.

Стуре, шаркая, как старик, побрел на кухню.

Сам Лозоик был сдержан в привычках, не не аскет. Не осуждал студентов, устраивающих по праздникам публичные спектакли и даже порой эти представления посещал. Мог пригубить – не более – вина. Хотя здоровье, наверняка, позволило бы и больше, подумал ректор без зависти. Странно, но он Лозоику Поссару никогда не завидовал. При том, что Лозоик и внешне был куда авантажнее доктора Битуана. Во время редких своих визитов в Новый Дворец ректору приходилось видеть скульптурные изображения языческих правителей и что-то в них (как ни грешно было такое сравнение) напоминало доктора обоих прав – правильные черты, раздвоенная морщина между четких бровей, глубоко сидящие глаза, тонкий орлиный нос, несколько заостренный, решительный подбородок. И сложен он был вполне соразмерно, и на здоровье не жаловался. Казалось бы, как не позавидовать – ан нет.

– Надеюсь, что не отвлек тебя от дел... – начал ректор.

– Ничего. Мне полезно немного отвлечься.

– ...потому что я пришел без дела. Только для того, чтобы рассказать, что я сегодня был на обеде у архиепископа, и речь там зашла о твоём трактате...

– О котором?

– «Сравнение канонического и светского права». Его преосвященство отозвался о нем с большой похвалой. Он находит мысль о необходимости приравнять государственную измену к ереси весьма тонкой.

– Прежде всего, это разумная мысль. Если это положение будет принято, оно избавит правосудие от многих затруднений. Я не имею в виду явные случаи, когда еретики нескрывая выступают бунтовщиками и ненавистниками светской власти вроде катаров или дольчинианцев. Но возьмем относительно недавний процесс тамплиеров. – В звучном ровном голосе Лозоика не слышалось горячности, но тема его несомненно увлекала. – Если бы трибунал принял указанное положение, отпала бы необходимость в длительном разбирательстве, и казнь, свершившаяся десять лет назад, могла бы произойти на семь лет раньше. А из-за проволочек многие виновные успели скрыться.

Вернулся Стуре с кувшином и кубками. Ректор принял кубок с разведенным на греческий манер вином (и вино-то было греческое) и стал пить мелкими глотками, как предписывала скельская медицинская школа. Доктор Лозоик продолжал.

³ Богословским называли особо крепкое вино.

– И как можно не видеть очевидного? Ведь и в основе ереси, и в основе государственной измены лежит одно и то же – предательство Господа, Спасителя нашего и предательство господина земного, который есть помазанник божий. А предательство, как учит нас богословие – один из самых тяжких грехов. Некоторые утверждают даже, что самый тяжкий, – он взглянул на собеседника и улыбнулся учтиво. Улыбка, кстати, ему не шла – она каким-то образом нарушала выверенную правильность его черт, и лицо на краткий миг становилось почти уродливым. – Но я утомил тебя своими рассуждениями. О чем еще толковали у его преосвященства?

– О разном... Епископский викарий и каноник от Св. Иеронима жаловались на засилье в городе иностранных купцов, в основном, итальянских, которые ввозят сюда свои греховные привычки. Не лучшая тема для беседы священнослужителей, но, по правде говоря, мне трудно осуждать их. Вечная беда Тримейна! Слава Богу, из столицы изгнали евреев, но не успели мы облегченно вздохнуть, как их место заняли итальянцы, и ведут себя столь же нагло! И карнионцы ненамногим лучше...

– Успокойся, ученый собрат. Сейчас не те времена, когда университетские воители штурмовали Южные ворота и сражались с заезжими купцами. – Доктор словно бы только что обнаружил перед собой бокал верначчи и отпил. – Тогда вражда и распря открыто ходили по улицам Тримейна, а правосудие гласно разбиралось, кто прав, кто виноват. Теперь же злодеяния совершаются под покровом ночи, преступление носит личину, а правосудие молчит.

Ректор поперхнулся и закашлялся, брызгая вином. Лицо его от натуги приняло багровый оттенок. Когда он, наконец, смог говорить, голос его дрожал.

– Не будем об этом, твоя магнифициция... Лучше расскажи, над чем ты сейчас работаешь...если это не тайна...

– От ученого собрата мне таить нечего. У меня попросили высказаться каким образом следует судить членов бегинской общины – Доктор отодвинул в сторону тома «Пандектов» и Аккурсиевых глосс, и достал лист из кожаной папки. – Я нахожу, что бегины и бегинки, обвиненные в ереси и приведенные для того, чтобы давать клятву по этим обвинениям, не обязаны давать клятву перед прелатами и инквизиторами, если только дело не идет о вере и основных ее положениях. Item⁴, прелаты и инквизиторы имеют право их допрашивать только по вопросам веры, заповедей и таинств. Если же вопросы касаются других вещей, то они не обязаны отвечать: не являются ли они мирянами и простецами – так по крайней мере они утверждают – ибо в действительности они хитры, лукавы и двуличны.

– Item, невозможно и не должно принуждать их под клятвую обнаруживать и раскрывать сообщников и сторонников, в подобных же случаях они не обязаны клясться: согласно их словам, это было бы против любви к ближнему и нанесло бы ущерб третьим лицам.

Item, они не будут подвергнуты отлучению за то, что представ перед судом они отказываются дать обычную клятву говорить правду и только правду, если дело не идет об основах веры, заповедях и таинствах, и также за отказ выдать своих сообщников, то подобное отлучение будет несправедливо и не будет иметь над ними силы, и они никоим образом не будут принимать его в расчет.

Доктор Битуан задумчиво кивал при каждом пассаже.

– Мягкое заключение, – сказал он, – может быть, даже слишком мягкое.

– Так, – согласился доктор Поссар, – но квалификатор Святого Трибунала и должен быть прежде всего милосерд.

⁴ Также (лат.)

4 . Пространство сна. Постоялый двор при дороге в Тримейн.

Они встали лагерем при какой-то деревне у опушки леса. И от кромки леса до дальнего края луга протянулись дымы костров. И там, если приглядеться, можно было различить, как роют траншеи, как пылят по бездорожью конные разъезды, и упираются в низкое небо пики подходящих пехотинцев. Оттого, что летние ночи были светлы, а дни прохладны, трудно было провести границу между днем и ночью – все сливалось в один нескончаемо длинный серый день.

При таком столпотворении тишина в деревне изумляла. Может, все-таки была глубокая ночь? Но и ночью должны были слышаться вой и проклятья крестьян, ибо при продвижении войск неизбежны всяческие контрибуции и реквизиции, иначе говоря, грабеж. А столь нищей деревни, где нечего отобрать даже в самый голодный год, на свете нету. Может, им заплатили? Трудно такое представить, но иногда случается – в виде исключения.

Но деревня все-таки была очень убогой. Наверное, поэтому жителей не выгнали из жалких хибар, служивших им жилищами. Погода позволила ночевать под открытым небом, и солдаты укладывались у костров и под телегами, а для рыцарей разбили палатки.

Один дом, однако, все же заняли – потому что он выглядел попрочнее и почище остальных, хотя отнюдь не больше. Оставалось лишь гадать, кому он принадлежал – крепкому хозяину, мечтающему выбиться из крестьян в торговое сословие, или приходскому священнику. Сейчас никого из хозяев не было видно. Вероятно, их потеснили в подвал, или в хлев. Тем удивительнее, что горницу занимали вовсе не важные господа. И не пленники. При том, что снаружи примостился вооруженный охранник.

В доме уже легли – наверное, это все же была ночь. Но не раздевались. На полу, рядом со столом, на охапке сена, устроился коренастый мужчина в коричневом кафтане. Он укрывался поношенным плащом, а под голову подсунул сумку. Его курносое лицо с редкими усами было не менее загорелым и обветренным, чем у любого рубаки, но была на нем некая печать, неизменно отличавшая людей, находящихся при армии, но не воинов. Может быть, лекарь? Или писарь?

На широкой постели примостились две женщины. Та, что лежала с краю – постарше. Темные волосы разметались, шнуровка на платье распущена. Наверняка, сама распустила. И не по какой дурной причине – а жарко ей. Таким всегда жарко. Нет, на шлюху она не была похожа, хотя для дела и переспит с кем надо. Но телом не торгует. Торгует чем-то другим – шерстью, холстом, мелочным товаром, пивом, всякой снедью. И недавно схоронила третьего мужа, или четвертого, убитого то ли на войне, то ли в драке.

Вторая была совсем юной. И она не спала. Даже не закрывала глаз. Прислушивалась. И когда снаружи послышались голоса, села, потревожив свою соседку, а потом и вовсе подтянувшись к изножью, выбралась из постели.

Соседка, конечно, проснулась.

– Наконец-то, – пробормотала она. – А то завлекут, наобещают невесть чего, а после забывают...

Девушка, не слушая ее, прошла к двери. Мужчина, лежавший на полу, приоткрыл глаза и проследил за ней. Возможно, он и прежде не спал, а притворялся.

Она вышла на крыльцо. Охранника там уже не было, то есть может, он и был, но скрылся из виду, резво и незаметно. А был там другой человек, который намеревался войти в дом, но остановился, когда появилась девушка. Какое-то время они смотрели друг на друга, потом он протянул к ней руки, и она пошла навстречу медленно, как замороженная. Пока не уткнулась лицом ему в грудь. И на лице этом были отчаяние и счастье.

– Ты должна ненавидеть меня, – сказал он. – Ради меня ты все бросила, а у меня нет для тебя времени.

Не поднимая глаз, девушка спросила:

– Все решится завтра?

– Да. Они близко. И выступят с рассвета.

– А до рассвета так недолго, – прошептала она.

– Но это время – наше, Я останусь с тобой.

По деревенской улице бежал, припадая на ногу, человек в кожаной куртке, оббитой бронзовыми бляхами. И лицо его было таким же усталым, как у человека, стоявшего на крыльце.

– Господин! – посаженный голос с трудом вырывался из горла. – Там собрались... командиры... решить никак не могут...

– Тебя зовут, – сказала девушка.

– Пусть катятся к черту. Не хочу никого видеть, кроме тебя.

Она внезапно отстранилась.

– Нет. Так нельзя. – Она заговорила быстро, боясь, что иначе утратит решимость. – Без тебя они перережут друг друга... и... утро так близко... и тебе надо хоть немного отдохнуть... поспать... Я не хочу, чтоб ты проиграл бой из-за меня!

Может быть, она хотела услышать: «Мне все равно. Пусть погибнет войско – ты для меня дороже». Но он этого не сказал. Погладил ее по щеке и тихо спросил:

– А как же ты?

Она ответила – без улыбки:

– Я долго ждала. Могу подождать еще день.

Он наклонился и поцеловал ее. Целовал долго и жадно, а она припала к нему всем телом, точно хотела исчезнуть, раствориться в нем. Потом он отпустил ее, отвернулся, чтобы не видеть обращенного к нему лица, чистого, совершенного, высветленного изнутри огнем страсти, и твердо произнес:

– Еще один день.

Повернулся и пошел прочь.

Девушка вернулась в дом. Маркитантка, уже окончательно проснувшись, опершись на локоть, пыталась расслышать, что происходит снаружи, и когда девушка показалась в горнице, придвинулась к стене, высвобождая место, и с алчным любопытством зашептала:

– Ну, давай, рассказывай, как все было!

– Ничего не было, – ровно проговорила девушка. – Я не могу отнимать у него время. Сказала, что встречу с ним завтра.

Она улеглась и закрыла глаза, показывая, что продолжать беседу не намерена.

Писарь на полу, кутаясь в плащ, сентенциозно заметил:

– Женщина должна очень любить мужчину, чтобы отказаться от него.

... И Джаред проснулся. И вышел из сна. Что не всегда происходит одновременно. Сон был чужой – это он определил сразу, как только вошел в него. Иногда это происходило непреднамеренно, хотя обычно он старался не нарушать границу, и по возможности искал уединенного ночлега. Но – ничего не поделаешь. Порой, под воздействием усталости, или иных причин, преграды падали, и не мешали не только мысленные, но и вполне материальные стены.

По привычке он попытался подвергнуть увиденное первоначальному исследованию, при том, что сейчас это было бесполезно. Хотя Джареду удалось заполучить отдельную каморку под крышей, постоянный двор был переполнен, и соседями своими Джаред не интересовался. И вовсе не предполагал, что узнает в ком-то из постояльцев героев сна. Опыта у него было достаточно, чтобы усвоить: пусть каждый сон являет собой отражение пережи-

того в действительности, чаще всего эти отражения были настолько кривыми, что требуется длительное время для того, чтоб распознать истину в искаженном образе. Затем, далеко не всякий спящий видит себя героем сна. Некоторые предпочитают роль наблюдателя. Так что вполне возможно, спящий или спящая видели события глазами писаря, маркитантки, или вестового. Или вообще отказались от зримого воплощения.

Однако, чей бы это ни был сон, у спящего дела были отнюдь не в порядке. Это Джаред мог утверждать с уверенностью. Положим, это странное освещение – ни ночь, ни день, могло быть навеяно летними ночами на севере Эрда. Джаред такое видел. Но ничего в этом в этом сне не могло принести определенности – а иная химера может выглядеть прочнее камня! Здесь же все разваливалось, растекалось, взгляд ни за что не мог зацепиться. Только на миг Джаред ясно увидел лицо девушки. Когда она в последний раз смотрела на своего возлюбленного, ее размытые черты стали четкими и такими совершенными, что у Джареда сжалось сердце. Лишний довод в пользу иллюзорности увиденного – в жизни подобной красоты не бывает.

Что ж, это его не касается. Если б попросили о помощи – другое дело. А так... ему показали трогательную любовную историю, что характерно – без развязки. Так даже лучше. Плохой конец, хороший конец – все едино. Жизнь не терпит законченности, а сон – это жизнь...

Впрочем, иные говорят, что жизнь – это дорога. Суждение, с которым согласились бы его приятели из бродячего племени, что за Южным мысом называют доми, иди зотти, или кала, а на пограничных землях империи на греческий манер – астиганос, в местном же произношении – цыгане.

Джаред открыл глаза, потянулся и сел. Уже рассвело, и комнатенка представляла ему во всей неприглядности. Жилище, показанное ему во сне, тоже не блистало роскошью, но там хотя бы не было таких подробностей, как клопы и тараканы, кишевшие здесь в изобилии. Ничего, ночевал он в местах и похуже, да и этой конуры не получил бы, если б не представился лекарем, а жена хозяина не обожгла накануне руку сковородой. Мазь от ожогов у него при себе была. Слава Богу, ничего серьезнее этих ожогов в хозяйском семействе не наблюдалось, а то он мог бы попасть в неловкое положение. Джаред до неприличия плохо для человека, слушавшего курс в Скульской медицинской школе, разбирался в лекарственных травах, мазях и декохтах, и таскал с собой лишь самые необходимые, без которых его занятия медициной показались бы враньем или бредом.

Самое смешное, что он действительно был лекарь. И неплохой лекарь, если судить по делам. Только его целительские методы ничего общего ни с мазиями, ни с микстурами не имели.

Джаред придвинул к себе лежавшую на столе сумку, не глядя, нащупал там среди склянок и свертков холщовый мешочек, достал его и развязал. Вынул оттуда два выточенных из камня шара, каждый величиной с крупную терновую ягоду. Камни были отполированы до зеркального блеска, и в то же время чернее, чем сама ночь. На первый взгляд они казались совершенно одинаковыми. Но человек искусный заметил бы, что первый камень похож на каплю вязкой свежей смолы, а второй отливает серебром. Да и вес они имели разный. Первый шар был выточен из черного янтаря, или гишера, а второй – из вулканического стекла, из коего, как ведомо посвященным, делаются магические зеркала, и который так труден в обработке, что его называют черным алмазом. Джаред подержал камни в ладони, потом положил на стол.

Да, он не был знатоком в травах и экстрактах, хотя в школе Аль-Хабрии использовались определенные снадобья, в основном, корни, чтобы погрузить сновидца в транс и вызвать чаемые видения. А уж при лечении больных усыпление с помощью таких снадобий, дабы облегчить страдания, было делом обычным для всех агарянских лекарей. И Тахир ибн-Саид

посмеивался над франками, выращивающими коноплю лишь для того, чтобы изготавливать веревки да грубую пряжу. Но Джареду он прибегать к этим средствам запрещал. Отсутствие опыта ведет к излишествам, и может превратить в раба сновидений, – жалкого тирьякеша. А рабби Итамар, обычно воздерживавшийся от каких-либо комментариев при поучениях уважаемого хозяина, согласно кивал.

И Джаред не прикасался к «южной дури», как выражались в портовых городах. Ему это не было нужно. Тахир научил его, как с помощью блестящих камней достигать нужного уровня сосредоточенности, усыплять подлежащих излечению, и уходить в сон самому.

Сейчас утро, и человек, видевший сон про полководца и девушку, наверняка уже бодрствует. В этом состоянии соприкоснуться с его состоянием невозможно. Но Джаред мог бы сконцентрироваться, вернуться в сон, изучить его и определить, в чем состоит болезнь этого человека.

Но опять-таки, зачем? Ради одного лишь научного интереса? Прошли те времена, когда для него это было главным. Да и опасно. Здесь не Карниона и не Южное пограничье, где такие вещи хоть в диковинку, но не вгоняют окружающих в панический страх. А страх, как известно, ведет к ненависти. Нет, здесь в землях бывшего королевского домена, ныне столичного округа империи Эрд – и – Карниона, он всего лишь бродячий лекарь. Фигура, по местным понятиям, безусловно неуважаемая, а часто и презиравшаяся. В грубых побасенках жонглеров, равно как в изящных новеллах просвещенных литераторов любой медикус – ученый доктор или невежественный знахарь – это откровенный шарлатан, тупой и наглый, либо хитрый и вкрадчивый, однако всегда комический. Даже деревенские старухи-шептуньи внушают окружающим больше почтения. Но лучше, чтоб над тобой смеялись, шпыняли, в дороге забрасывали грязью, пролетая мимо на борзom коне, в доме и близко не подпускали к господскому столу, чем волокли в Святой Трибунал по подозрению в колдовстве, – а оттуда выход один – на костер.

Живя вблизи границы, Джаред в последнее время немного расслабился, но он никогда не при каких обстоятельствах не забывал, что чем ближе к Тримейну, тем больше вероятность столкнуться с фискалом Святого Трибунала. А он шел в столицу.

Кстати, неплохо бы и поторопиться. Пора вставать и раздобыть какой-нибудь еды. Умыться придется где-нибудь у ручья. На человека, который слишком часто умывается (привычка, усвоенная Джаредом на юге) здесь смотрят как на неведомого зверя. Еще один повод к подозрению...

Он встал, убрал камни в мешочек, и подошел к окну. Во дворе уже толпился народ, кудахтали тощие пестрые куры, обреченные в жертву состоятельным проезжим. Джареду наверняка придется довольствоваться – хорошо, если яичницей, а то и вареной репой. Слышался какой-то писк – показалось, что это кошка, но это хозяйка твердой рукой, излеченной Джаредом, крутила ухо одному из своих отпрысков, а тот размазывал по лицу слезы и сопли. Конопатый слуга придерживал ворота, пропуская выезжавшую со двора обшарпанную повозку, запряженную двумя тощими одрами. К задней стенке повозки почему-то был прикреплен увядший венчик из хмеля.

Все-таки, чей же это был сон?

5. Дорога в Тримейн. Южное подворье. Дом – с – яблоком.

Погода стояла ясная, и это была в перспективе, единственная ясность. Но не следует искать разгадку, прежде чем узнаешь загадку. В том, что загадка будет, Джаред не сомневался. За все предшествующие годы Лабрайд ни разу не обращался к нему с просьбой. И он единственный человек в империи, который более-менее знает, что представляет собой Джаред...

А вот, что представляет собой сам Лабрайд? Это вопрос.

И сколько лет они знакомы? Сразу и не вспомнишь. С тех пор, как он покинул аббатство, на Святой неделе исполнилось... два последних года в Крук-Мауре, Аль-Хабрия, Скель... неужто полных десять лет? Точно. Впору бы это какнибудь отметить. Да только на Святой он был уже в пути.

Он обошел пешком большую часть империи, и немало времени провел за ее пределами. И везде приживался, где бы не пришлось остановиться, но, покинув очередное место жительства, никогда о нем не скучал и не стермился туда вернуться. Даже туда, где провел если не большую, то значительную часть жизни – в аббатство Тройнт.

Джаред родился в герцогстве Эрдском, в маленьком городке, прилепившемся к подножию мощного замка Дагнальд, принадлежавшему благородному господину Гудлейфу Дагнальду, и был седьмым сыном кожевенника. Сколько он себя не помнил, семья никогда не ела досыта, но как-то держалась за счет ежегодных ярмарок. Потом стало хуже. На землях Дагнальда открылась какая-то хворь: жуткий, изматывающий кашель. От нее мало кто умирал, но переболели чуть ли не все. О Нантгалимском крае пошла дурная слава. Ярмарки прекратились. А вдобавок еще неурожай. Сеньер Дагнальд был добр, он раздавал хлеб беднякам из своих амбаров, но его не хватало. Лишние рты были ни к чему. Избавиться от них путем перепродажи было невозможно – Эрдское герцогство не знало крепостного права. И подданные Дагнальда должны были сами справляться с подобными трудностями.

Джареду было не то десять, не то одиннадцать лет – он точно не знал, когда отец привел его в аббатство святого Эадварда. Возраст достаточный, чтобы работать в мастерских или на землях аббатства. А помереть с голоду монахи не дадут из христианского милосердия – так, по крайней мере, говорили. Главное, чтоб сразу не вытолкали в шею. Джареда не вытолкали, и его отец покинул аббатство с легким сердцем, считая, что последышу повезло.

Джареду повезло больше, чем считал отец. Несказанно повезло. Примерно через полгода, когда к нему пригляделись, он стал учиться в монастырской школе, одной из лучших на Севере. И вскоре обогнал в успехах тех, кто начал учиться раньше него и был выше его по происхождению (что не всегда совпадало) настолько, что преподобный приор Венилон, вопреки установившимся правилам, стал лично руководить его занятиями.

И где-то в это время в Тройнт приехал Лабрайд из Карнионы, и отец Венилон представил ему своего ученика. Ничего общего у высокородного и высокоученого гостя, бывшего ознакомиться с некоторыми редкими манускриптами, хранящимся в аббатстве, с нищим эрдским подростком быть не могло. И Лабрайд не проявил к нему интереса. Однако когда они встретились вновь по происшествии немалых лет, оказалось, что Джареда он запомнил. Вероятно, отец Венилон, знавший Лабрайда давно, счел для себя возможным рассказать ему о способностях Джареда более откровенно, чем самому Джареду.

Старик внимательно наблюдал за ним. И потому прижившийся в монастыре юноша не приносил первоначальных обетов. В любой другой обители Джаред давно уже принял бы послушание, а то и постриг. Или...

«Или» было вполне вероятно.

Отцу Венилону хватало ума не смеяться над снами Джареда, как насмеялись братья над Иосифом. И не хватало смелости признать эти сны господним откровением. Тем паче, что на последнем и не настаивал сам Джаред.

Аббатство Тройнт отличалось от монастырей Севера. Многое из того, что там сочли бы ересью, здесь допускалось и даже приветствовалось. Но не все. И не одна обитель не должна давать приют колдуну. Зачумленная овца портит все стадо. Если отец Венилон не разделял это воззрение, так могли подумать другие. А события последних десятилетий и в империи, и за ее пределами давали основание для тревоги. Зачем превращать Эрд в арену ересей, подобно Италии или Франции? Ибо ереси неминуемо ведут к мятежам, а мятежи к жертвам.

И настало время, когда отец Венилон должен был задуматься, дороже ли ему один ученик, пусть самый одаренный (о, странное значение, которое придавали в Святых Трибуналах слову «Дар»!), чем все аббатство, заботе о котором он посвятил всю жизнь.

И он посоветовал Джареду покинуть Тройнт. Здесь его уже ничему не смогут научить, а молодому человеку полезно повидать мир. О, разумеется, его снабдят рекомендательными письмами, так что он не пропадет... Возможно, со временем он сможет вернуться, «когда поумнеешь, и научишься скрывать подлежащее сокрытию» – это не было высказано, но выражено достаточно ясно. Для Джареда уход из спокойного и безопасного пристанища в мир опасностей, голода и войн не стал катастрофой. Он бы не сильно опечалился, если б его принудили принять постриг, но подлинного призвания к монашеской жизни у него не было. Не то, чтоб эта жизнь его тяготила, но... И в восемнадцать лет опасности, сколько бы их ни было, чаще вызывают стремление потягаться с ними. Вдобавок, отец Венилон дал ему письма в некоторые карнионские обители. Значит, предстояло идти в Древнюю землю.

Но первое, что он сделал – направился домой. За минувшие годы отец и братья не навещали его и не давали о себе знать, однако они и раньше не выказывали к нему особой привязанности, и Джаред не томился тоской по родным. Все же он был бы рад их увидеть. Но на месте отеческого дома он нашел лишь груды мусора. От соседей он узнал, что окончательно обеднев, семья отправилась искать счастья в другие края. Так оборвалась последняя нить, связывавшая Джареда с Эрдом.

Он отправился на Юг, в Древнюю землю, первоначально в те монастыри, которые указал ему отец Венилон, а затем, повинаясь собственному выбору. У святого Эадварда ему успели привить стойкую неприязнь к светским университетам. При том, что сии учебные заведения были рассадником богословов, а преподавали там в основном духовные лица, по убеждению отца Венилона они уступали монастырским школам с древними традициями. И Джаред, сведя знакомство в городах Карнионы и со схоластами, и с профессорами, склонен был с ними согласиться.

За единственным исключением.

В монастырях Древней земли Джаред узнал много сверх того, чему его учили – или не мешали учиться – у святого Эадварда. Но его не оставляло чувство, что еще больше он не узнал. Возможно, все о чем он читал, имело лишь косвенное отношение к природе его дара. Или он просто не там искал. И опираться следовало не на предания, уходящее корнями в легендарную старину, а на те науки, что изучают устройство и функции человеческого тела?

Джаред отправился в Скуль, где располагалась наиболее уважаемая в империи медицинская школа. Там и произошло его настоящее знакомство с Лабрайдом.

Возобновилось оно при обстоятельствах, не слишком для Джареда лестных. Будь он самолюбивее, то сказал бы – постыдных. До этого в Нессе он заработал толику денег, послужив секретарем у тамошнего графа, и в Скуле мог позволить себе снять комнату и жить не впроголодь. Будущие медики строгостью нравов не отличались, а определенные запреты, налагаемые на них уставом школы, на Джареда, как на вольнослушателя, не распространя-

лись. И он сорвался. Молодость и здоровье требовали своего, и с чего ему вести монашескую жизнь, если он не монах! В подобный загул Джаред не пускался ни до того, ни после. Не то, чтоб в нем было что-то, поражающее воображение, но для монастырского воспитанника хватало. Прославленное скельское вино лилось рекой. На родине Джареда не каждый вельможа имел его на столе, а здесь по дешевизне распоследний ткач пил его вместо воды. Повод для праздника всегда находился. Полы в кабаках трещали от плясок, музыканты надрывались, терзая флейты и волынки, а женщины... Много их было, сколько – он бы не вспомнил. При том, что шлюхи его не прельщали, да и он для них был неподходящим клиентом, ибо вино в Скеле было дешево, а девки дороги. Но он без труда находил себе подружек среди служанок, швеек, прачек, а то и скучающих купеческих жен – тех, кого в мужчинах неутомимость привлекала больше набитого кошелька.

Однажды, после бурной ночи в кабаке за торговыми рядами, Джаред проснулся от того, в лицо его с грубостью кредитора ударили лучи рассветного солнца.

– Какого черта? – просипел он и попытался протереть глаза. Это оказалось затруднительно. Он лежал на полу, и на левой руке у него раскинулась служанка одного старого скряги из соседнего переулка, а под правой кротко прикорнула судомойка здешнего заведения. Кажется, с вечера девочки поссорились, и Джаред взялся их помирить и утешить. Кругом, на столах и под столами мирно почивали другие жертвы ночного веселья. Дверь на улицу была распахнута, и снаружи ее кто-то услужливо придерживал. В проеме стоял стройный смуглолицый мужчина средних лет в дорогом плаще южного покроя.

– Ученик преподобного Венилона, если не ошибаюсь? – любезно осведомился он.

Джаред окончательно проснулся – уж очень странно прозвучало здесь имя приора. Он выпростался из-под девиц, сел.

– Мы раньше встречались? – его охрипший голос был прямым контрастом безупречному тону собеседника.

– Да, в аббатстве Тройнт. Меня зовут Лабрайд ап Руд из Тагмайла.

Тут Джаред его и узнал. И случись эта встреча сразу по выходе из монастыря, сгорел бы со стыда. А так... Неловко, конечно. Но не конец света. Так, надо думать, полагал и Лабрайд, который впоследствии никогда Джареду беспутством не пенял.

Но Джаред после того дня не то, чтобы вовсе забыл о вине и девицах, но поутих и занялся делом. Делом, помимо прочего, были и продолжительные беседы с Лабрайдом, которого Джаред стал посещать. Оказалось, что у того в Скеле есть собственный дом. Правда, жил он там нечасто, предпочитая загородные имения, расположенные дальше, к юго-востоку или странствия. А о том, что Джаред в Скеле, ему рассказал Девлин, ученик медицинской школы, также входящий в дом Лабрайда.

Лабрайд принадлежал к так называемым «старым семьям», возводившим свою родословную к изначальным обитателям Карнионы, в отличие от других южан, давно смешавшимися с разными пришельцами и завоевателями. Представители «старых семей», независимо от того, где они жили, укоренялись только в Карнионе, и в браки старались вступать исключительно между собой. Однако с течением времени соблюдать подобное правило становилось все труднее, и все меньше оставалось тех, кто мог похвастаться чистотой древней крови как с отцовской, так и с материнской стороны. Однако в Карнионе к людям из «старых семей» относились с почтением, с каким в других краях, наверное, относились бы к потомкам ангелов господних, входившим к дочерям человеческим, и завести с ними дружбу, полагал Джаред, было не легче, чем с ангелами. При всей своей светскости эти люди всегда ставили незримую преграду между собой и остальными, и причиной тому была не только наследственная гордыня. Древние карнионцы считались народом магов, а в нынешнее время заполучить клеймо потомственного колдуна было небезопасно, независимо от богатства и древности рода. В Карнионе костры Святых Трибуналов пылали не так высоко, как в сто-

лице, но не угасали вовсе. А молва оказалась не столь беспочвенной, как обычно бывает. Хотя бы по отношению к Лабрайду. Ибо этот карнионский вельможа был не только богатым и начитанным хранителем древних знаний, но и человеком, наделенным определенными талантами, в обыденной жизни не применимыми. Джареду он их не демонстрировал, но и скрыть не особенно пытался. Поскольку Джаред сам был отмечен даром или проклятьем – при том, что древняя кровь в его венах не текла. Но Лабрайд был счастливее его тем, что сумел разобраться в природе своего дара, и понять, как с ним обращаться. Джаред, наслышанный о мудрости карнионцев, искал указаний в древних рукописях, но не нашел. На что и посетовал.

– Значительная часть карнионского наследия всегда будет тебе недоступна, сколько бы монастырских библиотек ты не посетил, – сказал Лабрайд. – Я говорю об устной традиции, сохраняющейся в старых семьях. Ее усваивают с раннего детства, и здесь я тебе помочь ничем не могу. Ты давно уже не малое дитя, даже если забыть о том, что ты не карнионец.

– И что же делать?

– Для начала – не отчаиваться. Древние карнионцы знали много, но далеко не все. Хотя мои предки, да и кое-кто из здравствующих родичей, уничтожили бы меня за подобные утверждения. И мудростью можно напитаться не только у них.

– Я был на Севере, в монастырях и школах Карнионы... Вряд ли Тримейнский университет способен дать мне что либо сверх того. Может быть... – Джаред помедлил, ибо даже в Карнионе он избегал говорить о некоторых вещах, – Заклятые земли?

– Я не вправе тебе что-то запрещать либо позволять. Но туда я бы на твоём месте не ходил.

– Потому что это опасно?

– Потому что бесполезно.

– Следовательно, все, что рассказывают об этих краях – ложь?

– Не ложь. Скорее домысел, рожденный от недостатка достоверных сведений. И я не сильно расстраиваюсь из-за того, что людям эти сведения недоступны. Заклятые земли полны чудес. Но эти чудеса ничего не дают тому, кто хочет познать себя.

– Ты говоришь так, как будто убедился сам.

– Конечно, убедился. Иначе бы не стал заводить этот разговор. Ужас и соблазн Заклятых земель не в том, что они опасны. Там постоянно сталкиваешься с невероятным и необъяснимым, и может быть, не стоит его объяснять. Беда в том, что люди не соглашаются это признать. Им кажется, что отступив, они были всего на шаг от победы. Один шаг, одна попытка и еще одна, и еще... и человек принадлежит Заклятым землям, поглощен ими.

– Но ты ушел оттуда?

– Да, вырвался... как из зубов хищника, оставив на них куски собственной шкуры. Можешь считать это метафорой. Но я был старше и опытней, чем ты теперь. Впрочем, чужой опыт еще никому не помог. Решай сам. Я не утверждаю, что ты погибнешь. Но мне не хотелось бы, чтоб ты присоединился к неудачникам, считающих себя адептами, каковых мне приходилось встречать в Заклятых землях.

И помолчав немного, спросил:

– Кстати, ты прочел список, который я тебе дал?

– Да. Но мне кажется, что в переводе что-то утеряно. А языка арабского я не знаю. Да и недоступны нам арабские книги.

– Жаль. Хотя с моей точки зрения тебе полезней были бы не книги, а некоторые дисциплины. Скельская школа, при всем моем к ней уважении, не дает о них понятия, – он снова сделал паузу.

За время их общения Джаред успел усвоить, что Лабрайд ничего не упоминает просто так.

– А ты знаешь арабский язык?

– Недостаточно. Хотя кое-что из их учений усвоил.

– Значит, ты побывал в землях язычников?

– Прежде всего, усвой – мусульмане не язычники. В какой-то мере они строже нас блюдут веру в Бога Единого. Это рвение неопитов. – Он усмехнулся. – Да, пусть их вере немало столетий, в сравнении с каринионцами почитатели пророка – играющие дети. Но это умные, способные дети. И кое в чем обогнали своих учителей. Их нищенствующие монахи – они называются дервиши, создали свой орден раньше францисканцев, я не уговорю уж о слугах святого Доминика. И не их ли учением о преданности мюрида своему шейху и полном отказе от собственной воли вдохновились наши учителя, в особенности святой Франциск, создавая орденские уставы?

Это была совершенная ересь, но Джареду приходилось слышать от Лабрайда и не такое.

– У них есть разные школы, – продолжал Лабрайд, – но я слышал об одной, которая именуется школой дервишей сна...

Совет был дан, и по прошествии некоторого времени Джаред решил ему последовать. Благо в те годы на южных границах империи, в отличие от северных, было перемирие. Возобновилась торговля, и купеческие корабли двигались вдоль побережья дальше, на юг. На таком корабле Джаред покинул Скель и пределы империи и высадился в торговой гавани Дандан, поскольку согласно условиям мирного договора, дальше путь христианским кораблям был закрыт. Джаред мог бы найти другой корабль, но он не спешил. Прежде чем отправиться на поиски дервишей сна он хотел выучить язык, и получше узнать, где находится. Для жителей империи, страна, куда прибыл Джаред, была просто языческим царством, и мнение их было ошибочное, даже если не учитывать того, что сказал о язычестве и единобожии Лабрайд. Не было царства, однако существовало множество княжеств, управляемыми разными владыками. А были земли вовсе без правителей, без городов, где скитались кочевые племена. И жили здесь люди разных народов, языков и обычаев – и это только если брать в расчет только тех, кто исповедовал ислам. Джаред увидел и узнал гораздо больше, чем предполагал, покидая Скель, но о первоначальной цели своей не забыл.

Дервишей сна он нашел не вдруг, но ближе к границам империи, чем можно было ожидать – в эмирате Зохаль, в городе, именуемом Аль – Хабрия. К тому времени Джаред уже знал, что они отделились от прочих последователей учения суфиев, которых, собственно, и называли дервишами. От прочих последователей пророка суфии сильно отличались, и Джаред вынужден был признать, что кощунственная мысль о святом Франциске не случайно пришла Лабрайду на ум. Но дервиши пошли гораздо дальше, чем францисканцы. Они утверждали, что для молитвы не нужно посещать мечеть, ибо истинная мечеть в сердце. Но и в силе молитвы они сомневались, говоря, что она не дает ничего, кроме напряжения тела. Они усмехались, рассуждая об аде и рае, полагая, что Всевышнего надобно любить свободно, на рассчитывая на награду, и без страха наказания. Наконец, среди их учителей почитались и женщины, а ведь пророк сказал: «советуйтесь с ними, но поступайте вопреки». Все вышеназванное относилось и к школе дервишей сна, однако особенностью их учения было то, что сон считался способом достижения состояния *халь* – внезапного озарения, и в конечном счете могло привести к *фана* – небытию, слиянию с Божеством, каковое есть цель каждого истинного суфия. Прочие дервиши посматривали на них косо, полагая, их чем-то вроде учеников шейха Баязида аль-Бистами, проповедовавшего «упоение Богом», и видя в их правилах опасные новшества. Те в ответ утверждали, что ни в чем не отступали от сущности учения, и что «новизна» их правил мнимая, насчитывая по меньшей мере четыре века.

В Аль-Хабрии находилась ханака, или община Тахира ибн Саида ас – Сули. Он пришел к выводу, что оппоненты его во многом правы, и *фана*, достигаемая путем сна, может быть

иллюзией. Поэтому следует обратить взгляд внутрь, и искать озарения, способного осветить мрак собственной души. Опыт показал, что это позволяет достигнуть не только душевной чистоты, но и физического здоровья. Джаред опасался, что условия обучения будут для него неприемлемы, и напрасно. Искус мюрида, продолжавшийся тысячу и один день, отречение от собственной воли, испытания, долженствующие сломить гордость учеников – все это было только для правоверных. Остальные не могли стать истинными дервишами, но им позволено было прикоснуться к мудрости. Что касается платы за обучение, то Тахир ибн Саид брал ее с тех, кто способен был платить. Этим он заслужил множество нареканий, ибо дервиш давал обет бедности и нестяжания. Тахир оправдывался тем, что получаемые деньги, иногда весьма значительные, он тратит не на себя, а на ханаку. Что было правдой.

Тахир ибн Саид в некотором отношении напоминал Лабрайда, хотя сходства между ними не было никакого, не говоря уж о том, что Тахир был значительно старше. Он, например, чтит устную традицию выше письменной (что, как понял Джаред, вообще было свойственно дервишам сна, хотя никто не запрещал им записывать свои труды). И если Лабрайд называл детьми мусульман, то Тахир относился так же к христианам. Только для него это были злые, жестокие дети.

– Вы, – говорил он, – изгоняете, грабите, убиваете иноверцев, а наш пророк заповедовал брать их под покровительство. И никогда не было у нас такой мерзости, как ваши Святые Трибуналы.

Действительно, в эмирате, не опасаясь за свою безопасность, жили не только «люди писания» – евреи, христиане и последователи Заратуштры, но и самые настоящие язычники. То же относилось и к ханаке.

Язычники, как выяснилось, бывали всякие, и кочевники кала, не соблюдавшие никаких границ, туда бы не были приняты, да и сами бы не пошли, однако их соотечественники из страны Хинд, не признававшие родства, поскольку принадлежали к высшим кастам, здесь учились. Равно как и парсы. Кроме того, во время пребывания Джареда в ханаке здесь жил на правах гостя ученый каббалист Итамар а-Козн, нарочно приехавший из дальних краев, чтобы ознакомиться с учением Тахира ибн Саида.

Джаред был единственным христианином, но не первым, посетившим ханаку, и Тахир не скрыл удивления, что этот молодой франк, в отличие от своих единоверцев, знаком с упражнениями, которые применяют дервиши, дабы обрести над собой власть. Потому что Тахир не встречался с теми, кто прошел монастырскую школу, и не знал, что во многих (но всех обителях) монахи разработали приемы, помогающие достигнуть полной сосредоточенности, а также побеждать слабости плоти – сонливость, голод и другие, еще более низменные. Знание этих приемов позволило Джареду вскорости догнать других учеников. Но он все равно отличался от них. Все прочие сновидцы ханаки, независимо от того, употребляли ли они для вхождения в сон снадобья, курения или ограничивались духовными упражнениями – странствовали в мире собственных видений.

Джаред проникал в чужие.

Ибн Саид не был особенно этим удивлен. Он сказал, что устная традиция сохранила память о подобных путешествиях.

– Как говорят, первой описала подобные явления некая женщина, которая жила жила примерно двести лет спустя после установления истинной веры, и носившая то же имя, что праведная дочь пророка. Эта женщина также упоминала, что с помощью подобных путешествий можно излечивать болезни. Правда, рабби Итамар рассказывал мне, что он также слышал предания о подобной женщине, но она была еврейкой и звали ее Малка. – Он усмехнулся. – А у вас, конечно, рассказывают, что она была христианкой?

– Нет, я не слышал преданий о такой женщине. Хотя... в «Лоции» преподобной святой Урсулы Скельской говорилось о погружении в сон с помощью хрустальных зеркал. И о лечении... но это совсем другое... и жила святая Урсула много позже, чем ваша Фатима.

– Вот видишь, – сказал ибн Саид, но Джаред не понял, что он имел в виду. Но это было и неважно. Джаред понимал теперь, по какой дороге ему идти. И многому учился сам, хотя продолжал прислушиваться к наставлениям Тахира. Вероятно, Лабрайд был прав, утверждая, что дисциплина для него важнее чтения. Но и чтение Джаред оставил не сразу. Одно время он подумывал о том, чтобы заняться каббалой, и обратился с этой просьбой к Итамару а – Коэну. Но здесь он потерпел неудачу. Гость ибн Саида был не менее вежлив, чем представители старых семейств, и не более их склонен к откровению. Он сказал лишь, что для изучения каббалы необходимо в совершенстве знать святой язык⁵ и язык перевода⁶, все что делается без одного – либо шарлатанство, либо самообман, либо и то и другое вместе. Джаред ничего не сумел ему возразить. Однако не слишком огорчился. Жизнь в Аль-Хабрии пришлась ему по нраву. Ханака во многом напоминала монастырь, но устав ее, в полном соответствии со словами ибн Саида, был мягче, и школа жила не столь обособленной от города жизнью, чем аббатство святого Эадварда. Аль – Хабрия невелика, но все же в ней был базар – как же можно без базара! И бани, пребывание в которых, по уверению местных жителей, было подобно пребыванию в раю, и сады, в которых по вечерам играла музыка. А главное – край был совсем другой – жаркий, беспечный, и марево, колыхавшееся в синеве над песками близкой пустыни, навевало лень и расслабленность.

И всей этой благодати внезапно пришел конец.

Тахир ибн Саид, восхваляя веротерпимость единоверцев, несколько приукрасил ситуацию. Святых Трибуналов здесь действительно не было. Обходились и без них

Пророк оставил учение о народах, находящихся под покровительством – ахль аль-дима, но также и учение о войне с неверными. Какое считать более важным, зависело от того, кто находился у власти.

Эмир Зохаля Арслан Мухаммад ибн Хасан, прозванный «венцом общины», в молодости изрядно повоевавший, в годы, когда борода его покрылась сединой, оставил меч ради пиров, музыки и приятных бесед, удовольствия от которых предпочитал всем прочим. Управление он не то, чтобы забросил, но занимался им, не напрягаясь, поскольку дела, по его разумению, и так шли хорошо. Такое поведение, недостойное правителя, уязвляло начальника его гвардии Музаффара ибн Рахмана. Тот был в цвете лет, и человек весьма воинственный. Условия мира, заключенные ибн Хасаном с неверными, казались ему унижительными. Музаффар был правоверным суннитом, и полагал ересью все сверх того, чему учат факихи. А еретикам следует рубить руки и ноги.

Благодарный и ленивый эмир был зарезан на пиру, и старческая кровь испятнала бесценные рейские ковры и плиты розового мрамора. Та же участь постигла и всех его сыновей, из которых младший еще не покинул женской половины. Как это обычно бывает, ужаснувшихся преступлением оказалось гораздо меньше тех, кто восхищался благочестием нового эмира.

По всему эмирату начались преследования инакомыслящих. Долгим следствием, на манер отцов-инквизиторов, никто себя не утруждал. Правосудие было скорым и безжалостным, причем иноверцы имели даже некоторые преимущества. Они могли купить себе жизнь ценой перехода в ислам. Для еретиков это было невозможно.

Хотя цель каждого дервиша – небытие, ибн Саид справедливо считал, что достигать его лучше другим путем. Он не стал дожидаться, пока в ханаку ворвутся воины Музаффара, или

⁵ Иврит.

⁶ Арамейский.

ее разгромит восторженное простонародье, подстрекаемое муллами. И он бежал в сопровождении учеников на восток, в ханство Курун. Джаред за ним не последовал, но и в Аль – Хабрии не остался. Он не был особенно благочестив, но отречься от веры под угрозой смерти было для него противно. А поскольку Джаред, в отличие от многих других христиан в Зохале, покинул империю добровольно, ничто не мешало ему туда вернуться.

Сказать – проще чем сделать. Обратный путь оказался не в пример труднее. Зохаль был расположен далеко от побережья, к тому же морское сообщение снова было нарушено. На караванных дорогах стояли заставы, а одинокий путник, пробирающийся через пустыню, неминуемо погиб бы от жажды или от рук разбойников.

И все Джаред благополучно вернулся – вместе с теми, кто по мнению зохальцев, не исключая некоторых учеников ибн Саида, был хуже разбойников. Цыган эмир Музаффар счел недостойными даже казни, и повелел изгнать их. Джаред присоединился к племени, бредущему на север, и его приняли, несмотря на то, что к чужакам относились крайне подозрительно. Что-то такое они в нем разглядели, что-то, вызывавшее уважение. Возможно, они слышали о дервишах сна, бывая в Аль – Хабрии. И, сами издеваясь над глупцами, верившими в их гадания, цыгане испытывали почтение перед теми, кто по их мнению, обладал настоящим даром предвидения. Путешествие было тем опасней, что, покончив с неверными в своих владениях, Музаффар покончил и с перемирием. Южные города империи должны были испытать на себе гнев Аллаха. Пограничные войны в этих краях замирали на годы, иногда на десятилетия, но никогда не прекращались вовсе, а потому империя держала здесь воинские гарнизоны, а города были защищены. Но конница Музаффара была столь многочисленна, что порвала цепь укреплений. Но вскоре удача изменила воинам Аллаха, и волна покатила в обратную сторону. А цыганам и Джареду, дабы избежать встречи с воюющими сторонами, приходилось применять всю возможную ловкость.

В Старом Реуте он расстался с цыганами. Военные действия и в худшие времена не продвигались севернее Эйсана, а сейчас, стоило миновать этот городок, война уже не чувствовалась.

Джаред осел в Крук-Мауре, городе небольшом, но спокойном, при том что совсем не похожем на Аль – Хабрию. Здесь неподалеку были леса и горы, а с моря приносило гроззовые тучи. Никаких пальм, зато во множестве – виноградники. Но Джареда привлекали не красоты природы и не прекрасные вина (сказать по правде, запрет на винопитие, обязательный для мусульман, а для дервишей в особенности, в доме ибн Саида соблюдался не очень строго). С помощью приобретенных им знаний Джаред предполагал употребить свой дар на пользу людям, а заодно заработать на пропитание. Это сулило определенные опасности, но война грозила затянуться на несколько лет, а разъездные судьи Святых Трибуналов не разворачивали своей благочестивой деятельности вблизи боев.

И он стал лекарем. Так прошло два года. Война откатывалась от Крук-Маура все дальше, и постепенно сошла на нет. А вместе с наступлением мира в городе появился Девлин, и принес весть от Лабрайда. Тот, к удивлению Джареда, жил сейчас в Тримейне. Хотя происхождение Лабрайда позволяло ему занять место при дворе, столица его его нисколько не прельщала – или так казалось Джареду. Лабрайд просил передать, что хотел бы повидать своего молодого друга по делу, которое никого из них лично не касается, но может оказаться весьма важным.

Девлин уверял, что не знает, какое это дело, и у Джареда были основания ему верить. Лабрайд всегда имел на него огромное влияние – истинное влияние человека из «старых семейств» на южанина. Джаред на такое безоговорочное подчинение не был способен. Тем не менее, Лабрайд обратился к нему.

То, что Лабрайд по происшествии стольких лет обнаружил его в богом забытом Крук-Мауре, также было достойно удивления, но Джаред ни на минуту не предполагал, будто для

этого ему понадобились сверхъестественные возможности. Здесь уже не Карниона, но все-таки Юг, а у старых семей – свои связи.

Девлин не стал дожидаться ответа. Пробыв в Крук-Мауре всего сутки, он отбыл в Скеель. А Джареду предстояло принять решение.

Срывать с насиженного места у него не было особых оснований. Лабрайд дал понять, что никакого личного интереса у Джаред в его делах нет. И кто ему Лабрайд? Не сват, не брат, не учитель. Отцу Венилону и Тахиру ибн Саиду Джаред был обязан много большим, но, когда приходил срок, без колебаний с ними расставался. В Крук-Мауре у него образовались приятели, пациенты, заработок... Но он распрощался со всеми и двинулся в Тримейн. Он знал, что в обиде на него не будут. На Юге к таким вещам относились просто. Ушел и ушел.

Джаред вышел в дорогу зимой. В его родных краях эта фраза могла бы привести в ужас. Но здесь, пусть и не было так жарко, как в Зохале, снег все равно не выпадал. Привычный к пешему ходу, Джаред продвигался быстрее, чем иной всадник – иногда один, иногда присоединяясь к купеческим обозам. У середине весны он достиг границ прежнего Тримейнского королевства. Сейчас приближалось лето.

Джаред никогда не задавался вопросом, почему именно эти земли стали ядром империи и властвуют над обширным Эрдом, древней Карнионией и богатыми южными городами. Так случилось, и все. Он шел через города и деревни, присматриваясь к домам и людям. Дома казались не более уродливыми, а люди пожалуй, более богатыми, чем в родном Эрде. Только крестьяне гляделись уж слишком боязливymi и принижеными. Джаред впервые в жизни попал в края крепостного права. В герцогстве Эрдском в неурожайные годы с голоду вымирали целые деревни, в землях за Данданом он сталкивался с ужасающей нищетой, но там у людей, сидевших на земле, было больше достоинства. Правда, за границами империи было рабство. И были обладающие рабами крестьяне. Сложно устроен этот мир.

Ночевал он там, где застанет его ночь – на постоялых дворах, или у обочины дороги, благо земля уже подсохла, и, кутаясь в плащ, не нужно было разводить костер. Днем ощутимо пригревало, и он, по приобретенной на Юге привычке, стаскивал капюшон, хотя здесь на людей, не прикрывающих голову смотрели косо – так ходили только крепостные или последние бродяги. Что ж, в какой-то мере он бродягой и был. На Юге прикрывали голову от жары или непогоды, а не для того, чтобы обозначать сословие, и Джаред к этому привык. Поэтому его рыжеватые волосы, выгоревшие на солнце, были много светлее короткой бороды. Вообще в том, что касалось внешности, он следовал местным обычаям. В Зохале мужчине подобало носить бороду, беречь ее и холить, а волос не открывать. В Карнионе и городах Юга приличным считалось бриться и коротко стричься. Так Джаред и поступал. Сейчас, в дороге он снова отпустил бороду просто для того, чтобы не утруждать себя бритьем. В Тримейе он намеревался привести себя в соответствие с тамошними нравами.

Последнюю часть пути он проделал с торговцами шерстью, направлявшимися на Скотский рынок. Там согласно городским установлениям, торговали не только скотом, но и всем, от него происходящем. Соответственно, вокруг рынка вырос целый квартал торговых рядов. Там, заплатив входную пошлину у рыночных ворот, Джаред со своими спутниками и расстался.

Девлин сказал, что узнать о местонахождении Лабрайда можно узнать на Южном подворье, а Джаред узнал от торговцев, что от Рыночных ворот оно очень далеко – придется пересечь едва ли не весь город. Джаред это не страшило. Ему хотелось посмотреть на столицу.

Выйдя из монастыря, он перевидел множество городов, но Тримейн оказался самым из них большим, больше даже Скеля. За последние двести лет Тримейн трижды расширял городские укрепления, тогда как в Сकेле это делали лишь единожды. Скотский рынок раньше также находился за городской чертой, равно как и кладбище святой Марии Египет-

ской. И теперь еще рынок с торговыми рядами и кладбище были огорожены стенами, но более из соображений безопасности.

За ними начинался квартал Площади Убежища – место, знаменитое на всю империю. Здесь могли укрыться те, кого преследовал закон, прежде чем закон успел их настичь. Первоначально право убежища предоставлялось несостоятельным должникам, но им быстро научились пользоваться все, кого общество преступников страшило меньше тюрьмы или плахи. Всем им по закону запрещалось покидать квартал, но будь так, они в неделю бы вымерли или поели друг друга, чего не происходило. Следовательно, жители Площади Убежища в город выходили, и уж явно не для того, чтобы поразмять ноги. Этот рассадник грабителей, воров и проституток был сущей язвой Тримейна, и однако, горожане не слишком требовали эту язву выжечь – ведь никто не мог зарекаться, что не попадет туда. С востока и запада, точно суровые стражи, напоминающие о грехе и воздаянии, Площадь ограждали церковь Св. Юлиана и Марии Египетской. Зримое же воплощение воздаяния можно было разглядеть с площади из-за стены, оставшейся от старинных укреплений. Свинцовая башня была одной из самых страшных тюрем Тримейна. Настолько, что туда не каждый мог попасть... Узниками Свинцовой башни становились те, кто совершил наиболее тяжкие преступления – за исключением погрешивших против веры и церкви.

Все это располагалось по правую руку от Джаред, если идти от торговых рядов к реке – как бы в опровержение мнения, что правая сторона есть благая. Впрочем, стоило повернуться к реке спиной, как правое становилось левым. По левую же находилась часть города, где в славе своей утвердились обе ее власти – духовная и светская. Здесь находился величественный, грозный в своей мощи кафедральный собор во имя Двенадцати апостолов, перед которым была просторнейшая в Тримейне площадь. Здесь сияла красотой и белизной словно бы сплетенная из кружев церковь святого Тирона. Но и ей приходилось померкнуть перед Новым императорским дворцом, в создании которого искусные зодчие, выписанные из всех концов Европы, превзошли себя. Между дворцом и новыми укреплениями тянулись недавно устроенные сады – одно из любимых мест увеселений двора. Дальше, на берегу Трима был выстроен дворец архиепископа. Словом, это была прекраснейшая часть города, благоуханная сердцевина имперской розы, как выражались поэты – но именно в этой сердцевине угнездился Дом Святого Трибунала с архивами, канцеляриями, камерами пыток темницами – такими, что узники Свинцовой башни могли с полным основанием считать, что им крупно повезло с обиталищем.

Джаред не свернул налево, справедливо предположив, что осмотр красот этой части города займет слишком много времени. Ему нужно было перебираться на другую сторону Трима. Это можно было сделать по одному из мостов: Деревянному или Королевскому, соединявшему оба берега с Королевским же островом, либо наняв лодку. Тратиться на лодочника не хотелось, и Джаред рассудил, что уйдет слишком много времени, пока он будет огибать на острове Старый Дворец, выстроенный еще в доимперские времена. Поэтому он выбрал Деревянный мост. Перейдя его, Джаред оказался перед кварталами, заселенными честными бюргерами, чиновниками и купечеством. Здесь были свои достопримечательности – Дворец Правосудия, речной порт, Соляной рынок. А за рынком то самое Южное подворье, куда направлялся Джаред. Ибо за Соляным рынком и на прилегающих улицах издавна селились торговцы с Юга. Их было так много, что даже здешние ворота именовались Карнионскими, хотя если уж соблюдать точность, смотрели они вовсе не в сторону Древней Земли.

Разумеется, Джаред не ожидал, что Лабрайд поселится среди купцов. Но опоры он стал бы искать именно здесь, среди земляков, не забывших, что такое старые семьи.

Он не ошибся. Хозяин подворья, давно усвоивший местную речь (Джареду, привыкшему к более чистому южному выговору она показалась вульгарной), понимающе кивнул, услышав имя Лабрайда.

– Ты ведь с Юга пришел?

– Да, из Крук-Маура.

– Так он и говорит, что его может спросить молодой господин, прибывший с Юга. – Он посмотрел на Джаред, внешний вид которого до господина явно не дотягивал. Потом, видимо, решил для себя, что со всякой швалью Лабрайд водиться не станет. Подозвал бродившего по двору мальчишку, очевидно, сына.

– Эй! Хватит лоботрясничать. Проводишь господина в Дом-с-яблоком.

Мальчишка повиновался с готовностью, хотя вероятность получить от Джареда мзду за услугу была весьма сомнительной. Оказалось, что надобно снова повернуть к реке, только шли они по другой улице, на сей раз обогнув Соляной рынок. Слева виднелось здание сурового вида, и мальчишка пояснил, что это еще одна тюрьма – Приют святого Леонарда. Сюда попадала публика попроще, в основном те, кто не успел укрыться на Площади Убежища, или не во время ее покинул.

За подобными разговорами они вошли на улицу, отрекомендованную Джареду как Ольховая («тут раньше ольховая роща была, да вырубили давно») и свернули налево.

– Вот он, Яблочный дом, – сказал мальчишка.

Перед ними высился ряд домов, высоких, добротных, хотя на нынешний столичный взгляд, несколько старомодных, но какой из них имел в виду провожатый, сомневаться не приходилось. На его фасаде красовалась роспись, уже порядком потускневшая. Несмотря на эти обстоятельства, а также подступавшие сумерки, можно было догадаться, что изображает она грехопадение. Яблоко, протянутое Евой (закутанной от нескромных взглядов в волосы не хуже святой Агнессы) единственное на фреске сохранило свой первоначальный ярко-красный цвет, и невольно привлекало к себе взоры. Иначе дом прозвали бы Домом Грешников или еще как-нибудь в этом роде. Окна над головами потускневших прародителей человечества были застеклены, что для столицы было не редкость, но все же свидетельствовало о достатке хозяев.

Мальчишка поднял висевший на цепи дверной молоток и постучал. Дверь открыли, не задавая вопросов, из чего можно было заключить, что либо привратник слишком беспечен, либо в двери имеется замаскированный глазок. Когда Джаред увидел привратника, то отдал предпочтение последнему выводу, поскольку узнал. Его звали Мейде. Он служил Лабрайду, когда Джаред жил в Скеле, и в безопасности его никак нельзя было упрекнуть.

При виде Джареда он не выразил удивления. Кивнул, посторонился, пропуская гостя, вытащил из кошелька монету и бросил провожатому. Тот спрятал денежку, даже не попробовав ее на зуб, и насвистывая, пошел обратно. Надо думать, имел возможность убедиться, что здесь платят честно.

Мейде затворил дверь и стал подниматься по лестнице. У него не было при себе ни свечи, ни факела, но из-за приоткрытой двери в кухню пробивался свет, и слышно было, как двигают посуду – значит, Мейде был не единственным слугой сего дома.

За лестничным пролетом открылась просторная комната. Здесь было не так темно – окно против входа было открыто, и в него вливался последний сумеречный свет. Лабрайд стоял у окна, но услышав шаги, повернулся. Он не слишком изменился с тех пор, как Джаред видел его в последний раз, однако в его черных волосах появилась седина, и он отпустил короткую бороду, тщательно выбритую вокруг губ – наверное, такова была столичная мода. На нем был длинный свободный домашний кафтан, отороченный куньим мехом. За спиной Лабрайда Джаред с некоторым удивлением увидел свинцовые воды Трима и темные башни Старого Дворца. Окна дома выходили на реку.

– Приветствую тебя, – сказал он.

Лабрайд слегка склонил голову.

– Я рад тебя видеть. Наверное, проголодался с дороги?

– С голоду не умираю, но от угощения не откажусь.

– Не возражаешь, если мы поужинаем здесь?

– Какой разговор!

– Мейде, возьми у господина Джаред сумку и покажи ему комнату. Джаред, я тебя жду.

Такая манера встречать гостя могла бы показаться излишне сухой и лишенной радушия. И в этом Лабрайд не изменился. Он не был склонен к выражению чувств, но при этом гость в его доме всегда встречал отличный стол и удобный ночлег.

Так было и сейчас. Когда Джаред вернулся, окно уже закрыли ставнями, и горели свечи – на поставках, увенчанными резными башенками, в миниатюре напоминавшие соборные, на столе, бросая манящий отсвет на блюда с рыбой в винном соусе, бараниной на вертеле и пирогами с голубями. В кувшинах было фораннанское и скельское.

– Если хочешь, можно принести пива, – сказал Лабрайд, – В Тримейне недурное пиво, даже при дворе им не пренебрегают.

– Благодарю, в другой раз. – Более всего Джареду хотелось знать, ради чего он здесь, но он не стал спрашивать. Лабрайд скажет сам, когда сочтет нужным.

– Я был очень рад, когда услышал, что ты в Крук-Мауре. Ибо не числил тебя среди живых. Как я слышал, дервишей сна постигло несчастье?

– Ты не ошибся.

– Должно быть, ты проклинал меня за то, что я рассказал тебе о них?

– Вовсе нет. Пребывание в школе было для меня весьма полезно. Правда, это плохо кончилось, но в этом ты не при чем. – Джаред доел мясо, вытер руки салфеткой, и продолжая непринужденную беседу, спросил:

– А ты давно живешь здесь?

– В Тримейне – около года, а в этом доме – с весны.

Выходит, он поселился в этом доме уже после того, как отправил известие Джареду.

– Хороший дом. Хотя и не в самой аристократической части города

– Зато расположен символически – между Дворцом Правосудия и тюрьмой. Только на таком запретный плод и рисовать. Владелец дома сдал его мне, а сам выехал из города. Видишь ли, сейчас в Тримейне не очень популярны дома, которые выходят окнами на Старый Дворец.

Вот оно, подумал Джаред. И промолчал.

– Ты слышал в дороге что-нибудь об убийствах женщин кронпринца?

– Что-то болтали... Но я счел это домыслом... Знаешь: вампиры, оборотни.

– Это не домьслы. То есть в вампиров с оборотнями я верю не больше тебя. Но убийства были доподлинно.

– Значит, это правда. Наследник престола – убийца?

– Не думаю. – Лабрайд отпил из серебряного бокала. – Но поручиться ни за что нельзя.

В этом деле много всего намешано. И то, что люди именуют черной магией, а я – грязным употреблением Силы, – тоже.

– Так ты для этого вызвал меня из Крук-Маура?

– Вызывал – для этого.

– Поясни.

– Когда я посылал Девлина, то полагал, что найти убийц может такой человек, как ты. Но с тех пор обстоятельства несколько изменились. У меня появилась другая возможность помешать убийце и обезопасить кронпринца, против которого, несомненно, направлена интрига, или какая-то ее часть. И похоже, я на верном пути. Во всяком случае убийства прекратились. Но не думай, – он сделал упреждающий жест, – что проделал весь этот путь напрасно. Возможно, все обстоит сложнее, чем я предполагал изначально, и злодеяние просто сменило окраску.

– Какую?

– Это нам придется узнать. Скажи, ты знаешь Кайрела Рондинга?

Перемена темы была столь неожиданна, что Джаред не успел удивиться.

– Конечно, я слышал о нем, как и все на Юге. Но никогда не видел. В это трудно поверить, ведь я был на границе во время войны. Понимаешь, я взял за правило никогда не становиться на пути у армии. Даже если это наша армия.

– Он популярен?

– Если есть сейчас на Юге популярный человек, то это Кайрел. Полагают, и не без основания, что без него мы бы завершили эту войну не так успешно

– Значит, лично вы не встречались. Жаль. Я надеялся, что ты кое-что прояснишь. Потому что я его тоже не встречал. Хотя некоторые сведения о нем имею... Некий Кайл Рондинг, из семьи не слишком знатной и небогатой, но ничем не запятнанной, отправился послужить императору оружием на южную границу. И на Юге ему посчастливилось жениться на девушке – не из старого, правда, семейства, – но все же из очень древнего и уважаемого рода. Ее звали Сионайд ни Эйтне Тангвен. Впоследствии Кайл Рондинг с семьей вернулся в Тримейн, где во благовремении и скончался. Но сын его, этот самый Кайрел, также с оных лет уехал служить на Юг, а, поскольку он примерно твой ровесник, там он уже давно. Он был на хорошем счету еще до войны, и, не сомневаюсь, что приходилось ему легче, чем отцу. В тех краях, как тебе известно, происхождению по материнской линии придают большее значение. В случаях, подобных этому, оно важнее, чем происхождение по линии отцовской.

Лжаред кивнул.

– Ты прав. Я не слышал, чтоб о нем говорили, как о чужаке. А если б и говорили... Он мало того, что очистил границу. Он сам ходил в набег до самого Зохаля!

– Я думал, тебе в Зохале нравилось.

– Верно. Пока проклятый Музаффар не прирезал старого эмира. Цветущий сад он превратил в бойню. Он столь же жаден, как и жесток, а жестокость его безгранична.

– Ты заговорил наподобие своих дервишей.

– Пускай. Кайрел ап Тангвен дал Музаффару хороший урок. Гнал его гулямов до самой Аль – Хабрии, а это не ближний свет. Кстати, когда я уходил из Крук-Маура, то слышал, что будто Кайрелу приказано было отправляться куда-то в герцогство Эрдское. Ума не приложу, что рыцарю на службе императора делать в Эрде, да еще в мирное время – там ревниво относятся к местным вольностям.

– Ты что, не слышал про мятеж в в Вальграме?

– Так ведь он, вроде, был давно. Или там опять что-то стряслось?

Лабрайд взглянул на собеседника с недоумением. Потом усмехнулся.

– По-моему, ты единственный на моей памяти северянин, которого не волнует, что происходит в родных краях.

Джаред развел руками.

– Может быть. Но я не очень чувствую себя северянином. Конечно, я родился и долго жил в Эрде. Но в аббатстве не слишком любопытствовали, что происходит за стенами. А потом я ушел из герцогства. Когда в Вальграме бунтовали, я был за пределами империи. А когда вернулся, об этом все забыли...

– Ясно. Так вот, друг мой, дела на Севере были столь серьезны, что герцог Тирни обратился за помощью к императору. По условию договора, заключенному между герцогом и принцем Раднором, возглавившим императорское войско, конфискованные земли мятежников переходят в императорскую казну. За чем обязан следить специально назначенный наместник. А теперь вопрос: по какой причине человека, который не без успеха занимался этим все минувшие годы, спешно отзывают в столицу, а на его место назначают Кайрела?

– По какой? – Джаред счел вопрос риторическим.

– Не знаю. Как ты только что изволил выразиться по этому поводу – ума не приложу. В Эрде сейчас спокойно, военного вмешательства не требуется.

– Может, дело в том наместнике, которого отозвали? Проворовался?

– Вовсе нет. Я проверил. И никаких кар на его голову не посыпалось. Так же, как и наград. Это добросовестный чиновник, звезд с неба не хватающий. Как раз такой, какой нужен на этом месте. А туда отправляют Кайрела, человека военного, и не имеющего в Эрде ни семейных, ни дружеских связей. А в Эрде не слишком любят южан. Не спорь – я сам это испытал.

– Спорить я не стану. Но может, именно таков был замысел императора? Может, он испугался, что на южной границе Кайрел слишком влиятелен.

– Я бы согласился с тобой, если бы не бывал при дворе и не встречался с императором. Ты ошибаешься, представляя его величество тонким политиком. Наш добрый Ян – Ульрих все свое время посвящает куртуазным развлечениям – пирам, охотам и турнирам. И женщинам, в чем преклонный возраст ему не помеха.

– Совсем как покойный эмир...

– Понимаю, на что ты намекаешь. Но в империи не принято душить своих властителей.

– Эмира Арслана зарезали.

– Тем более – резать. Не скажу, чтоб так было всегда, но сейчас те, кто прорываются к власти, действуют более утонченными методами.

– И ты считаешь, что назначение Кайрела – следствие подобных методов?

– Я считаю, что это часть сложной и непонятной нам интриги. Так же, как убийства девушек.

– Но какая здесь связь? Ты говоришь, что убийства совершаются с помощью магии. Но как магия может быть причастна к такому тривиальному, хотя и темному делу, как назначение и смещение императорских наместников?

– Мне трудно ответить на твой вопрос. Точнее, на оба вопроса. Относительно последнего. Видишь ли, я чувствую присутствие Силы и Силы загрязненной. Как – объяснить не берусь. У тебя свой дар, у меня свой. А какая связь... Я и вызвал тебя для того, чтоб узнать, какая. Но теперь, когда ты ясно дал понять, что не скучаешь по родине, я не стану требовать от тебя лишних жертв...

– Ты хочешь, чтобы я отправился в Эрд?

– Я этого хотел. Сам я уехать не могу, поскольку должен отыскать того, кто за всем этим стоит, а он, по моему убеждению, в столице или рядом с ней. А ты с помощью своего дара сумел бы определить кто есть Кайрел – преступник или намеченная жертва. Да и в положении на Севере тебе было бы легче разобраться, чем пришельцу из чужих краев. Но...

– Что значит «но»? Я еще не отказываюсь.

– Однако в Эрд, по твоим словам, тебе идти не хочется.

– Я не скучаю по Эрду, верно. Но я не скучаю ни по кому и ни по чему. Таким уж Господь меня создал. И охотно взгляну, что нынче творится в родных краях.

– Пойми, я не развлекаю тебе тебе предлагаю. Это может быть опасно.

– В Зохаль я тоже не на прогулку отправлялся...

Препирательства в подобном духе продолжались некоторое время, пока Джаред не поймал себя на мысли: Боже праведный! Он сам уговаривает Лабрайда послать его в Эрд, когда должно быть наоборот. Хитер Лабрайд, вот уж действительно ловец человек! И словно угадав невысказанное, Лабрайд усмехнулся.

– Стало быть, договорились. Ты, конечно, отдохнешь у меня какое-то время. А я договорюсь с кем-нибудь из речных капитанов, чтобы тебя взяли на барку. Или ты предпочитаешь ехать верхом? Тогда я добуду тебе лошадь.

– Нет, наездником я как был плохим, так и остался. Своим двоим доверяю больше, чем чужим четверем. А на речной барке я никогда не плавал, хотя по морю – пришлось.

– Это гораздо спокойнее, чем на корабле. Другого спокойствия тебе в этом путешествии не обещаю. Впрочем, ты волен вернуться, когда сочтешь нужным. А пока – не слишком ли затянулся наш разговор? Конечно, для тех, кто не виделся столько лет, он даже слишком краток, но утомителен для того, кто пешком прошел от Крук-Маура до Тримейна.

– Эмир Арслан, как я слышал, называл мудрую беседу вершиной всех удовольствий.

– За что и поплатился... Но мы еще поговорим с тобой, пока ты будешь в Тримейне. Расскажешь мне о своих странствиях. А пока – доброй ночи.

Джаред и в самом деле чувствовал, что его клонит ко сну. Он почти не пил за ужином, но сытная еда после долгой дороги опьяняет сильнее вина. И еще – в пути так или иначе все время приходилось быть настороже. В этом доме можно было позволить себе отдохнуть без оглядки на неведомые опасности, пусть за самыми его окнами творилась какая-то дьявольщина. И оттого Джаред забыл полюбопытствовать, что за новый способ изыскал Лабрайд, дабы охранить наследника престола.

6. Новый Дворец. Турнирное поле. Королевский мост.

Новый Дворец, истинная жемчужина Тримейна, начал строиться еще при жизни покойной императрицы, однако увидеть сию драгоценность в подобающей оправе, и, тем паче, вступить во владение ей не пришлось. И все же дворец был выстроен удивительно быстро, если сравнивать с Кафедральным собором, на возведение которого ушло два столетия. Император Ян-Ульрих не жалел затрат на любимое детище его царствования (сын Норберт, единственный выживших из четверых, такой любви не удостоился). Старый Дворец, заложенный еще в незапамятные времена, когда весь город умещался на Королевском острове, а по Триму спускались в лодках полчища диких эрдов, казался ему темницей. Кстати, темница в замке существовала изначально – до недавних просвещенных времен тримейнские короли держали там мятежных братьев, сыновей и племянников, предварительно лишив их зрения, а то и мужских достоинств. Теперь подобное варварство отошло в прошлое, но темница никуда не делась. Конечно, королевский замок, ставший императорским, за столетия неоднократно перестраивался, но как правило, для того, чтоб еще больше укрепить мощные стены и увеличить количество башен, способных сдержать и отразить напор вражеских армий и мятежных толп. И облик дворца оставался непоправимо мрачен.

Совсем иным должен был стать – и стал Новый Дворец. Для его постройки были приглашены самые лучшие зодчие, художники и мозаичисты, каких смогли отыскать посланцы императора. Сюда свезли всевозможные диковины со всей Европы, и пусть злые языки не уставали повторять, что на деньги, затраченные на покупку статуй языческих идолов и нечестивых правителей, цветного мрамора для отделки парадных залов и невиданных тварей для зверинца, можно было построить десяток церквей и купить целый воз святых мощей, Ян-Ульрих закрыл свой слух для подобных речей. При дворце были также разбиты великолепные сады и цветники. И после завершения работ император со всей семьей перебрался туда. Жизнь потекла как в сказке. Праздники следовали за праздниками, пиры сменялись турнирами, балы – охотами, представления – состязаниями певцов. Ничего куртуазнее нельзя было придумать. Во всяком случае, так уверяли поэты. И даже те, кто осуждали чрезмерную роскошь двора и легкомыслие придворных, не могли при этом скрыть восхищения блеском правления Яна-Ульриха. Тем более, что при всем вышесказанном никто бы не назвал императора плохим христианином. Он жертвовал на церковь с той же щедростью, с которой закатывал пиры и травли, не посягал на права Святых Трибуналов. И придворные, позабывшие о наказании за греховную жизнь, могли припомнить о нем, не покидая дворца, ибо фасад его выходил на Соборную площадь, где совершались казни еретиков. Впрочем, это лишь добавляло греховным удовольствиям остроты...

Само собой, жизнь без подруги сердца среди этого великолепия была бы невыносима. По первости подруги менялись довольно часто. Но вот уже почти восемь лет одиночество императора разделяла прекрасная Эльфледа, чаще именуемая госпожой Эльфледой. Рассказывали, будто она еще в ранней юности лишилась супруга, павшего в какой-то междоусобной стычке. Император, будучи на охоте, прослышал о красоте вдовы, захватил ее утешить, и, как выражались сочинители песен, охотник попался в свою же ловушку. Госпожа Эльфледа воцарилась при дворе на правах некоронованной королевы, и права эти вынужден был признать даже наследник престола. Признать против собственной воли – это замечали все в Тримейне. Когда госпожа Эльфледа появилась при дворе, он едва вышел из отроческого возраста, но, войдя в совершенные лета, предпочел обосноваться в мрачном и суровом Старом Дворце, рядом с темницей и родовой усыпальницей. Пойти на прямую рознь с отцом он не решился, но празднества в Новом Дворце посещал с явной неохотой, избегая встреч с фавориткой. Так сплетничали в Тримейне – по крайней мере, до тех пор, пока вокруг Ста-

рого Дворца не поползли иные слухи, гораздо более страшные и жуткие. Теперь принц Норберт дал столичным сплетникам новую пищу для пересудов, обзаведясь, по примеру отца, фавориткой. Принца, человека молодого, и вдобавок, вдового, никто за такое не думал осуждать, но смутное недовольство, которое в последнее время вызывал у горожан наследник престола, выплеснулось на эту темную – во всех смыслах – особу. Определенно о ней было известно лишь то, что она южанка. А это было в Тримейне признаком наивысшей куртуазности, и одновременно навлекало подозрение во всех представимых пороках. Последнее усиливало то, что никто не слышал о ее муже. В Тримейне привыкли, что любовницы императоров непременно должны быть замужними дамами либо вдовами. Связь с незамужней девицей нарушала все приличия, и ежели девица такое допустила, значит, она прирожденная развратница. А принц открыто показывался с этой Бесс и не прятал ее от взора добрых людей. Не иначе она опутала его какими-то чарами. И на турнир, устроенный императором в честь посвящения в рыцари самых достойных юношей из благородного сословия наследник не преминул явиться в ее обществе.

Это празднество, одно из самых блестящих в году, происходило за городской чертой, на Турнирном поле, специально для этих целей огороженном и обустроенном. В центре находилась прекрасная ровная арена, окруженная прочным барьером, на котором во время состязаний крепились щиты с гербами участников. Кругом размещались трибуны для зрителей и и ложи для судей и почетных гостей. По полю раскинулись шатры и навесы, где благородные господа и дамы могли найти отдохновение в жаркий летний день. Здесь же поставили свои палатки всевозможные торговцы, на случай, если господа или их слуги возымеют надобность в каких-либо товарах, а также жонглеры, музыканты и шуты, увеселяющие публику. А за императорской ложей можно было наблюдать невиданное доселе диво. Там стояло дерево, усыпанное золотыми и серебряными листьями. Такую награду придумал куртуазный монарх для победителей в состязаниях. Тот, кто преломит копьё противника, должен получить серебряный лист, а выбившему противника из седла достанется лист золотой. А до той поры вокруг дерева была выставлена охрана, и не надо иметь семь пядей во лбу, чтоб угадать – кто-нибудь из придворных пиитов непременно сравнит дерево с райским деревом, охраняемым вооруженными ангелами.

Празднество было приурочено ко дню Пятидесятницы, наподобие таких же увеселений при дворе короля Артура, чьих легендарных жизнеописаний Ян-Ульрих был большой поклонник. А в это время погода в Тримейне бывает прекрасная – если только дождь не пойдет. Солнце сияет, веселя сердца, но самая жара, выпадающая обычно на июль, еще не наступила. И, желая вкусить всех удовольствий от летнего дня, император пожелал с утра отбыть из города на своей личной барке, с ковровым шатром и вызолоченными веслами. Его сопровождали госпожа Эльфледа, Исдигерд, ее брат, занимавший должность главного конюшего, и еще несколько приближенных. Полюбовавшись прибрежными красотами, несколько часов спустя они перебрались на конные носилки и так прибыли на Турнирное поле.

Наследник, словно бы в пику отцу, решил отправиться верхом, хотя ему, живущему на острове, речной путь был бы удобнее. Он со своей свитой выехал с Королевского острова по мосту, и покинул город через Эрдские ворота. Под седло он приказал вывести своего любимого гнедого Танкреда, а Бессейре отдал Фанетту. Это была белая кровная кобыла, на которой сам он ездил в отрочестве. А выбрал он ее по причине смирного нрава, и преклонного возраста, поскольку он не был уверен в умении Бессейры ездить верхом.

Впрочем, относительно Бессейры он ни в чем не был уверен, и она по-прежнему не открывала, кто ее послал. Хотя насчет того, что пришла она не для мести или злодеяний, похоже, не лгала. Но это ничего не меняло. Несмотря на то, что с ее появлением приступы беспокойства прекратились, и страх уменьшился, сама она не вызывала у него приязни. Нельзя любить нож, вскрывший опухоль, пускай этот нож, возможно, спас тебе жизнь.

Хуже того, Бессейра – или Бесс, как ее обычно называли – его раздражала. Казалось бы – красивая, молодая, стройная, только любуйся, но его она не привлекала, а порой ее черты и манеры представлялись ему отталкивающими – ее неуловимо быстрые и непредсказуемые движения (при том, что она часами могла сидеть неподвижно), ее темные сухие волосы, ее прищуренные глаза... Она постоянно щурилась, и оттого создавалось впечатление, будто Бесс близорука. На самом деле зрение у нее было отличное. Она умудрялась замечать даже то, что никак не могло попасть в поле ее зрения. Словно у нее был глаз на затылке. Она, впрочем, отрицала, что свойство это имеет колдовскую природу.

– Просто наблюдательность. Этому можно научиться.

В покаях, которые отвели ей во дворце, она любила ходить босиком. При этом Норберт заметил, что пальцы на ногах у нее хоть и короче, чем на руках, но не менее развиты. Не то, чтоб это было уродливо, но внушало трудно преодолимое отвращение.

Дворцовые слуги явно невзлюбили «выскочку», и, не оскорбляя ее открыто, старались сторониться. Бесс это несколько не задевало. По крайней мере, она не делала попыток наказать их, или, наоборот, добиться их расположения ласковым обращением и подачками. Денег у нее своих не было, однако Норберт позаботился о том, чтоб у нее имелось все, что подobaет иметь любовнице принца.

Сейчас на ней было винно-красное платье из плотного шелка с зеленой вышивкой по подолу. Рукава платья также были отделаны зеленым. Зачесанные кверху волосы сдерживал украшенный бирюзой широкий венчик, а горло охватывало рубиновое ожерелье. Поднимаясь в седло, она не преминула заметить, что наверняка нынче в городе какой-нибудь бродячий монах скажет проповедь о блуднице в багрянице, и вряд ли ошиблась. Но она не выглядела этим расстроенной.

Норберт, не любивший внешнего блеска, был облачен в коричневый бархатный кафтан с соболиной опушкой. Единственная роскошь, которую он себе позволил, были золотые пуговицы, и золотая бахрома на шляпе. В турнире участвовать он не собирался, и был вооружен лишь кинжалом у пояса. Но охрана его была в полном вооружении.

Пока ехали по городу, они с Бессейрой не обменялись ни словом. Что вовсе не означало, что она обижена на своего покровителя-подопечного либо пребывает в мрачном настроении. Норберт уже зарекся угадывать причины ее молчаливости или разговорчивости. Когда миновали Эрдские ворота и, обогнав купеческий обоз, оказались на открытой дороге, она внезапно спросила:

– Слушай, почему тебя называют вдовцом? Насколько мне известно, ты не был женат. Норберт поморщился.

– Я ее даже никогда не видел. Нас сговорили в детстве, и помолвка была по доверенности. А потом она умерла, – слава Богу, своей смертью. Но, не знаю, как у вас на Юге, а у нас формальная помолвка приравнивается к браку.

– И давно это было?

– Еще до мятежа в Эрде. А поскольку у герцога Тирни нет в запасе ни сестер, ни дочерей, больше речи об этом не было.

– Ясно.

И она снова умолкла. Поняв, что продолжения расспросов не последует, Норберт сжал коленями бока гнедого, и заскучавший Танкред легко перешел на галоп.

Они прибыли на Турнирное поле после полудня, когда закончились поединки новопосвященных рыцарей, сражавшихся, в основном, пешими, а также состязания оруженосцев в беге и стрельбе из лука, и благородное общество отдыхало в шатрах и под шелковыми навесами, где были выставлены столы с угощением.

Поздний приезд наследника многими был расценен как неуважение к особе императора. Однако были и такие, что сочли это проявлением утонченности и хорошего вкуса, ибо

Норберт поспел как раз к тому времени, когда на ристалище должны были выйти лучшие бойцы. К последним, по общему мнению, относился и племянник императора принц Раднор. Он был единственным из императорской семьи, кто собирался преломить копье со славными противниками. Ян – Ульрих давно не участвовал в подобных забавах по возрасту, а наследник вообще их не любил, хотя ни здоровьем, ни телесной крепостью вроде бы не был обижен. Приходилось слышать, что такое пренебрежение благороднейшим из занятий недостойно человека, носящего рыцарское звание, и Норберт давно перестал отвечать на эти упреки, но не забыл о них.

– Ты тоже осуждаешь меня за то, что я не участвую в турнирах? – спросил он Бесс.

– Напротив. Мне приходилось слышать, что выставляющие боевые искусства на потеху публике – хуже, чем комедианты.

Эта точка зрения была для него нова и интересна. Но узнать о ней подробнее не было возможности.

Спешившись, они оказались среди людского водоворота. И если охрана оберегала его от давки, то шум он все равно ощущал, а яркость и пестрота слепила глаза и рассеивала внимание. Турнирное поле напоминало ярмарку. Торговцы выхваляли свой товар, шуты кривлялись, музыканты терзали струны. И чем ближе к длинному столу на зеленой лужайке, за которым расположились Ян – Ульрих со свитой – тем больше шелка и бархата вместо сукна и шерсти. И заодно больше открытых ртов и вытаращенных глаз. Неужто наследник решится представить любовницу императору? Как это понимать?

Каковы бы ни были намерения Норберта, в сей момент они не совершились. Госпожа Эльфледа уже давно заметила прибытие гостей и, встав из-за стола, направилась прогуляться в сопровождении своих дам. И как бы случайно оказалась на пути у Норберта с Бесс.

Про госпожу Эльфледу говорили в Тримейне много дурного, но кто может назвать фаворитку, про которую говорят много хорошего? Будто бы из-за нее государь забывает про дела правления. Будто бы она раздает своей многочисленной и голодной родне выгодные должности при дворе, укрепленные замки и богатые уголья. Что волосы у нее крашенные, а зубы вставные, и лет ей на десять, а то и на пятнадцать больше, чем она утверждает. Но сейчас даже самый злостный недоброжелатель не дал бы ей вблизи больше двадцати шести лет. Она походила на миниатюру в роскошно иллюминированной книге, которая изображает Юдифь, Эсфирь и прочих благородных дам древности в придворных платьях с туго затянутыми талиями, с длинными золотыми косами и с голубыми глазами. И если волосы можно выкрасить, зубы вставить, то белила и румяна при свете дня сразу бы стали различимы, а подделать цвет глаз и вовсе невозможно. Госпожа Эльфледа была облачена в голубое платье из скельского бархата и узкую душегрейку из переливчатой парчи, отделанную горностаем. Пресловутые косы были закручены по обе стороны лица и прикрыты вуалью с золотым венцом с наушниками. Эта мода, восхищавшая куаферов, почему-то приводила в негодование служителей церкви, умудрившаяся находить в безобидных наушниках сходство с дьявольскими рогами.

– Ах, ваше высочество, мой друг, – Норберт мог бы поклясться, что от природы голос фаворитки был на несколько тонов ниже, и нынешней звонкости в голосе она добилась длительными упражнениями. Она склонилась перед принцем, как требовал этикет, и продолжала. – Неужели эта молодая особа и есть та красавица, о которой нынче столько приходится слышать?

Прежде чем Норберт успел что-то сказать, Бессейра склонилась перед фавориткой в реверансе, еще более почтительном, чем та – перед наследником престола.

– Это – Бесс из Финнауна, – произнес он.

Бесс упоминала, откуда она родом, но это название ничего не говорило Норберту, а Эльфледе, похоже, и того меньше.

– Счастлива буду оказаться под вашим покровительством, сударыня, – добавила Бесс. Длинные ресницы Эльфледы взметнулись, как бабочкины крылья, на губах заиграла улыбка.

– Ну, конечно, милочка! Вы будете сидеть нынче рядом со мной, я вам все покажу и объясню. Простите меня, мой принц, что я лишаю вас общества милой вам дамы, но это ненадолго... – Она подхватила Бесс под руку, и Норберт вынужденно кивнул. При всей своей неприязни к этой жадной интриганке, он не мог не восхититься наглостью, с которой Эльфледа отсекла Бесс от императора. Предупредила возможный скандал (это ясно всем), и заодно не дала Яну-Ульриху взглянуть на женщину значительно моложе себя. Даже если Бесс не в его вкусе.

Представив фавориток друг другу, он двинулся туда, куда направлялся изначально. К столу, рядом с которым в кресле с высокой спинкой, поигрывая кубком из тонкого цветного стекла, сидел его отец.

В молодости Яна-Ульриха называли самым красивым мужчиной империи и не без основания. Он и теперь изо всех сил старался соответствовать этому определению, а также следовать всем тонкостям моды. Белокурые волосы были тщательно завиты, борода уложена волосок к волоску. Такому крупному мужчине нынешние фасоны должны были доставлять немало огорчений, ибо требовали, чтобы одежда плотно прилегала к телу, и приходилось шнуровать ее, как дамский корсет. Что ж, элегантность требует жертв. Кафтан из переливчатой парчи с длинными зубчатыми рукавами, на трико – ни морщинки, сафьяновые башмаки-пулены – все было в гармонии с новейшей модой, все выше похвал. Ян-Ульрих оставался красивейшим из мужчин и куртуазнейшим из монархов. Так, по крайней мере, все наперебой утверждали.

Но сын его видел перед собой человека пятидесяти с лишним лет, чьи правильные черты угрожающе расплзались, с обрюзгшими щеками и крашеными волосами. Когда-то он был полон сил и энергии, вел переговоры со всеми странами Европы, утверждал в своей державе закон и порядок, укреплял границы. Пожалуй, в нем и сейчас было немало сил, но все они поглощались непрерывными увеселениями. Ян-Ульрих не был грубым и пошлым развратником и обжорой в духе прошлых времен. Он любил музыку, стихи, собирал антики, покровительствовал поэтам и художникам. Празднества при его дворе были торжеством вкуса, а своей даме сердца он сохранял верность – во всяком случае, в последние годы. Ничто иное его не интересовало. И с чего бы? Все и так шло хорошо. Мятежи неизменно подавлялись, богомерзкие агаряне были отброшены далеко от границ, налоги исправно текли в казну... Чего еще надо? Зачем омрачать жизнь, которая и без того коротка? И монарх стремился обмануть время, повернуть вспять его бег. По мнению Норберта, отец даже слишком преуспел в этом. Он напоминал не юношу, а толстого разряженного младенца. Неужели никто больше этого не замечает? – думал Норберт, и душу его переполняла болезненная жалость, смешанная с презрением. Отец не подозревал об этих чувствах. Ничьи чувства, кроме собственных, его также не интересовали.

Он протянул сыну для поцелуя холеную, пухлую руку, на каждом пальце которой красовалось не меньше двух перстней.

– Наконец-то соизволил пожаловать, – брюзгливо и в то же время ласково произнес Ян-Ульрих. – Садись рядом со мной и рассказывай... О тебе много разговоров этим летом. Что ж, хотя бы перестали болтать, что вино родит уксус...

Норберт едва не вздрогнул от этого замечания, но убедился, что отец имеет в виду всего лишь пересуды о Бесс. Он невольно оглянулся в ее сторону и убедился, что она мирно беседует с госпожой Эльфледой.

– Мы не часто имеем счастье видеть наследника, – говорила императорская фаворитка. – Раньше он появлялся хотя бы на больших охотах, но теперь не жалуется и это развлечение.

– Боюсь, что это моя вина, – учтиво ответила Бесс. – Я не люблю охоту, и принц ради меня перестал ездить на ловлю.

Эльфледа внезапно сменила тему.

– А где это – Финнаун?

– Между Роуэном и побережьем. Это маленькое владение, вряд ли вы о нем слышали.

– А вы – младшая дочь в большом семействе?

– От вас ничего не скрыть, сударыня.

Эльфледа звонко рассмеялась.

– Ну, ничего, милая. Я возьму вас под крылышко. Уверяю, не стоит прятаться. Южанам при дворе его величества вполне привольно...

– Наши дамы, кажется, нашли общий язык, – сообщил Ян-Ульрих, также бросивший на женщин благосклонный взгляд.

– А почему бы нет, ваше величество? Им нечего делить.

– Нечего. Пока. Но женщины и без того находят из-за чего повздорить. Терпеть этого не могу. Хуже женских ссор только мужские. – Император усмехнулся. – А ты, кажется, пытаешься острить? Хвалю. Общество этой девицы пошло тебе на пользу. – И, позабыв о дамах, он вернулся к угощению.

Ранний обед был достаточно легким – цыплята, куропатки, зайчатина, воздушные пироги, разнообразные сыры, – но достаточно основательным, чтобы не проголодаться до обеда позднего, каковой ожидался после турнира и должен был продлиться до ужина. Все – и гости императорского шатра, и те, кто обивал ноги между шатрами, спешили насытиться, пока не возобновились поединки. А откушав в удовольствие и залив жажду вином, устремились – кто в ложи, кто на трибуны, а прочим полагалось довольствоваться местом у дощатой перегородки. При этом Норберт вновь оказался вдали от своей спутницы. Его место было в императорской ложе, рядом с отцом, а Бесс госпожа Эльфледа увела в ложу для благородных дам. Причины, по которым она старалась удерживать Бесс возле себя, были не только дипломатическими. Эльфледа учла, как они должны выглядеть. Блеск красного, зеленого и черного – и золотисто-голубое сияние... Их, безусловно, сравнивали, и большинство зрителей отдавало предпочтение старшей из женщин – голубке рядом со змеей. Пока герольды объявляли имена участников, Эльфледа, расточая улыбки, нашептывала на ухо соседке имена наиболее важных персон среди присутствующих.

– Первым делом вам следует попросить принца представить вас канцлеру... Он там, в императорской ложе, вон там, с редкой бородой...

– Но зачем? Какое дело до меня канцлеру?

– Дорогая, нельзя оставаться такой провинциалкой. Я представлю вас своему брату и кузену – они нынче здесь...

– Барон Жерон-и-Нивель!

– Владетельный господин Драмсак!

Это были бойцы не с самыми громкими именами, но все же не чета недавним юнцам, только вчера препоясавшихся мечами. Эти уже знали, каково, вылетая из седла, подниматься с переломанными ребрами, терять зубы, слепнуть от едкой турнирной пыли, пробивающейся сквозь щели забрала и покидать ристалище на носилках. Сие мало кого миновало, ибо хотя законы благородства установили правила, долженствующие уберечь бойцов от смертоубийства и тяжких увечий, бой есть бой, и этим все сказано. Особенно в последние годы, когда на турнирах стало модно сражаться не затупленным, а боевым оружием. Конечно, в противовес

этому были введены особые турнирные доспехи, но они и движения сковывали больше, и падать в них опасней.

Противники съезжались дважды, а на третий раз барон Жерон-и-Нивель был выбит из седла. Господин Драмсак стал безусловным победителем, и заслужил золотой лист с императорского древа. Публика вопила. Госпожа Эльфледа продолжала нашептывать в ухо соседке.

– Вот увидите, принц Раднор найдет случай скитаться с Драмсаком. Жерон к принцу весьма близок... а еще ближе к нему – жена барона. А вон там в ложе другой приятель принца – Отт де Гверниак, смотритель императорских замков. Он в нынешнем турнире не участвует, хотя вообще боец отменный, чем и заслужил благоволение его величества...

– А те важные господа?

– Гости двора. Английский посол, – у него удрученный вид, в их королевства смута, прямо как в недавние годы в Эрде. А вот, кстати, представитель герцога Эрдского. Французский посол. Дон Раймунд, посол короля Арагонского Хайме – весьма интересен...

Второй поединок по общему мнению, оказался интереснее, ибо победителя определить было не так легко. Бой завязался ожесточенный, противники пожелали продолжить его пешими, и здесь, в воинственном запале был нанесен удар, запрещенный правилами – по правой руке, не защищенной щитом. Если бы бойцы сражались верхом, нарушение правил не вызвало бы сомнений. А сейчас судьи принуждены были решать, не сам ли пострадавший не по времени развернувшись, подставился под удар. В конце концов возобладало мнение, что нарушение турнирных законов все же имело место, и победу присудили пострадавшему. Но ясно было, что поединщики при первой же возможности сойдутся вновь, и может быть, не на Турнирном поле.

– Но есть здесь и южане. Вон тот, с усами, как у сарацина, рядом с императорской ложей – граф Несский. А вон тот справа – Лабрайд ап Руд Тагмайл. Хотя, возможно, с ними вы знакомы.

– Что вы, сударыня. Они, правда, южане, и имена их мне известны, но они из знатных родов, и никогда не снизойдут заметить такую семью, как наша.

– Бог им судья. Зато вас заметил наследник престола. Кто у нас там дальше... Адмирал Эйке – редкий гость при дворе. Форай – смотритель императорских птичников. Лантерн Пикок – верховный камерарий. А вон там – Индульф Ларком...

– Увы – вздохнула Бесс, – никогда не запомнить мне ни столько имен, ни столько лиц.

– Это только так кажется. Приезжайте навестить меня, просто так, поболтать, и я расскажу вам о них подробнее.

– Боюсь, что это невозможно. Принц не хочет, чтобы я выезжала без него.

– А мы как-нибудь его уговорим. Но лучше, милая, если это вы сделаете самолично. Не надо робеть. У женщины всегда в запасе решающий довод. – Ее сияющая улыбка стала двусмысленной, но в следующий миг потускнела. В тот самый миг, когда объявили имена следующих бойцов. И голубые глаза так же сощурились, как карие.

На ристалище выезжал принц Раднор, племянник императора, победитель эрдских мятежников, сильнейший турнирный боец, любимец двора и города.

Тяжелые доспехи, весившие вдвое больше боевых, он носил, как дублет, подбитый пухом, и ясеневое копьё с острием в виде цветка лилии, и древком, выкрашенным в алый цвет (вместо обычного синего или зеленого) сжимал словно перышко. Щит при нем был боевой, треугольный, а не состязательный тарч. Он объяснял это тем, что круглый щит присвоен простонародью и слугам, и рыцарю зазорно пользоваться им даже в играх. Под всадником был сильный рыже-чалый шайр. Впрочем, масть коня только угадывалась – он был покрыт великолепной попоной, расшитой имперскими розами, а морду защищал латный шанфрон. Только ради такого зрелища стоило прибыть на турнир. И принц Раднор оправдал ожидания зрителей, легко справившись со своим противником, выбив его из седла единственным

таранным ударом. Копье сломалось, но меч доставать не пришлось. Единственным недостатком этого поединка, с точки зрения знатоков – он слишком быстро кончится. Но оставалась надежда, что принц Раднор не обманет ожидания своих почитателей, и единственным поединком не ограничится.

Прежде, чем удалиться с ристалища он снял шлем, явив себя зрителям во всей красе. Глядя на Раднора, можно было представить, каким был император в его лета – примерно четверть века назад. Белокурые волосы, светло-серые глаза, короткий прямой нос, здоровый румянец. Он походил на Яна-Ульриха гораздо больше, чем Норберт, хотя был всего лишь сыном сводной сестры императора. Это было особенно заметно сейчас, когда наследник сидел возле отца, и подобное обстоятельство вызывало немало пересудов. Никто, конечно, ни в чем не мог упрекнуть императрицу. Но что поделать, если так сказывается кровь? К тому же Норберт внешне ничем не блистал, а Раднор был хорош. Дамы обмирали, представляя себя в объятьях этого красавца. И некоторые уже, позабыв себя, швыряли с трибуны расшитые платки и рукава от платья, специально для этой цели едва приметанные. Но та, которую здесь единодушно признавали красивейшей из женщин, так же как Раднора – храбрейшим среди мужчин, в их число не входила. Она сидела спокойно, недвижно, краем глаза косясь на соседку. Потом спросила:

– А почему вы не любите охоту? Ведь это благороднейшее из развлечений.

– Как и турниры. Но не наше, не женское.

– Право? – Неясно было, удивлена ли Эльфледа этим замечанием, или насмехается.

Однако продолжала она без тени насмешки. – Я знаю, что наследник не любит меня. Из-за этого он отдалился от двора... от отца, что еще хуже. Но я ему не враг... не я его враг... Возможно, он тоже это понял, но гордость мешает ему сделать первый шаг к примирению. Поэтому он и привез вас сюда. И мы должны сделать все, чтобы сблизить отца и сына...

Голос ее сошел на нет в криках глашатаев, визге труб и лязге оружия. Молчала и Бессейра. Турнир продолжался. Схватки становились все яростнее, кровь, разгоряченная этим зрелищем играла сильнее. Зрители сожалели, что сегодня дерутся только один на один, и не удастся потешить себя, любуясь примерным боем. Определялись лучшие среди лучших. Помимо принца Раднора таким был Леам Кархиддин, прибывший ко двору лишь в прошлом году, и уже успевший отличиться не только в турнирах, но и в подлинных поединках. Он был веселого нрава, что совокупно с репутацией храбреца и задиры, принесло ему любовь женщин и дружеское расположение мужчин. Уступая принцу Раднору в высоте происхождения да в красоте, он был моложе, легче и подвижней, что дает определенные преимущества и на поединке, и на балу. Вдобавок принц Раднор, желаемый многими как любовник, был недоступен как жених, ибо успел обзавестись законной супругой. А Леам Кархиддин был еще холост. Так что вольно или невольно эти двое стали соперниками, и зрители с нетерпением ждали, сойдутся или не сойдутся они сегодня в поединке.

Чаяния не обманули. Было объявлено, что противники желают биться на копьях, мечах и булавах, до тех пор, пока один из них не в силах будет держать оружие.

На Кархиддине был двойной кольчужный доспех несской работы, поверх него лазурный плащ. Конь его был буланой масти, что почиталось в Тримейне несколько вульгарным, однако этот недостаток искупался изрядными статями. Копье ничем не уступало принцеву «цветку лилии», а щит, как бы для контраста, был круглый, но не презираемый Раднором тарч, а доподлинно сарацинский. Вряд ли Леам добыл его на войне, – владения Кархиддинов располагались далеко от границы, а добровольно служить на крайнем Юге шли по большей части местные уроженцы – однако здесь такие подробности никого не занимали.

При первой сшибке Раднор целил в грудь противника, а Кархиддин, памятуя о том, что нагрудный доспех императорского племянника вряд ли возможно пробить, – в шлем. И оба не преуспели. Каждый успел заслониться щитом, и оба копья сломались одновременно. Три-

буны возопили – разочаровано и радостно, поскольку это было всего лишь начало славной игры. Бойцы взялись за мечи, и съехались снова. Вторая сшибка обещала быть еще более захватывающей, поскольку Леам, как и Раднор бился мечом острым, не затупленным. Точнее, это был фальчион, о котором знатоки спорили, считать ли его мечом, или это какое-то другое оружие, наподобие агарянской сIMITАРРЫ. У принца был меч в полторы руки с перекрестьем рукояти, загнутой в сторону клинка. Достоинства мечей были приблизительно равны, а кони поединщиков достаточно хорошо обучены, чтоб ими можно было управлять без помощи поводий. Так что все зависело от мастерства бойцов. И не сразу определилось преимущество, что хорошо, ибо какой же интерес в схватке, когда сразу понятно, кто победит? И только самые опытные среди зрителей смогли заметить, как принц Раднор захватил клинок фальчиона между клинком и перекрестьем своего меча, и вырвал оружие из руки Кархиддина. Остальным показалось, что меч у Леама вылетел сам собой. Дальнейшие действия Раднора были еще замечательней. Прежде, чем Леам, лишившийся меча, успел ухватиться за булаву, Раднор спешил, с живостью удивительной для человека, облаченного такой тяжелой доспех, поднял меч соперника и швырнул его за барьер. Какой-то нерасторопный паж заверещал от боли, но на него никто не обратил внимания. Раднор развернулся к наезжавшему на него противнику – и рубанул по шее буланого коня.

– Что он делает! – пробормотал Норберт. – Это прямое нарушение правил!

– Все нет, – наставительно сказал император. – В нынешних правилах не сказано, что нельзя убивать лошадей.

– Это подразумевается!

– Но этого не сказано.

– Они должны сражаться одинаковым оружием!

– А они еще не сражаются. Смотри, не мешай...

Истекающий кровью буланный рухнул на землю, но Кархиддину каким-то чудом удалось соскочить с коня раньше, чем конская туша придавила его. Спрыгнул он не слишком удачно, – упал на колено, и когда поднялся, стало видно, что он хромот.

Раднор тем временем отбросил и меч, и щит. Он стоял, широко расставив ноги и держа булаву обеими руками. Это было проявлением изысканного благородства и заодно, изрядной лихости – без щита удобней сражаться на мечах, но не на булавах. Но турнирные законы требовали, чтобы Кархиддин также отбросил меч, и он вынужден был сделать это.

Как только соперники сошлись в пешем бою, сразу же стали видны преимущества принца. У него были более длинные руки, а доспех позволял выдержать прямой удар. Все, что мог делать Кархиддин – это обороняться. И оборонялся он все слабее, отступал, спотыкался, однако не сдавался. Воспользовавшись тем, что движения его стали замедленными, Раднор приступил совсем близко и обхватил, притиснув руки Кархиддина к бокам. Теперь тот лишен был всякой возможности сопротивляться.

– Ты сдаешься, Кархиддин? – крикнул он.

– Нет... – прохрипел тот.

Принц еще сильнее сдавил его, но обездвиженный Кархиддин продолжал сжимать булаву. А пока он не бросил оружия, он не считался побежденным.

Раднор, по-бычьей пригнув голову, ударил наверху шлема по лицевой пластинке шлема Кархиддина.

– Сдаешься?

Из-под шлема Кархиддина стекала кровь, но гордец молчал. Зато трибуны выли. Такого чудного зрелища давно не видывали на Турнирном поле. И оно еще не достигло завершения!

Раднор швырнул противника оземь.

– Признай, что побежден!

Кархиддин не двигался и не издавал ни звука. Может быть, у него не доставало для этого сил

– *Coup de grace!* – завопил кто-то на трибуне. – Удар милосердия, принц!

– *Coup de grace!* – подхватило множество голосов. Зрители попроще бесновались в восторге, чуть ли не ломая барьер. Эльфледа кусала губы, не отрывая взгляда от происходящего на ристалище. Император промокнул платком потное лицо.

Раднор, выпростав руку сквозь разрез латной рукавицы, извлек мизерикорд.

– Это убийство, – тихо произнес Норберт.

– Лучше потерять жизнь, чем честь, – откликнулся Ян-Ульрих.

Раднор все же медлил с последним ударом. За поверженного мог вступиться сюзерен. Ему могли прислать «дамскую милость» – женский чепец на наконечнике копья, означающий, что за побежденного просят прекрасные дамы. Наконец, могли вмешаться и судьи.

Это и произошло. Посланный ими оруженосец подбежал к Кархиддину, опустился рядом с ним на колени, потом поднялся и воскликнул:

– Он умер, благородные господа!

Восхищению публики не было предела. Принц Раднор который раз явил свое превосходство, сразив противника, не прибегая к оружию. Но и Кархиддин, который предпочел погибнуть, но не сдаться, также показал пример рыцарской доблести. Убитого – у него были сломаны шея и ребра, – унесли. О том, что убитых на турнире запрещено предавать христианскому погребению, в Тримейне давно позабыли, в том числе церковные власти, безусловно не одобрявшие увеселений, связанных с насилием и кровопролитием, но смирившиеся с ними. Турнир был завершен, но празднество продолжалось. Готовился веселый пир, и говорили, что принца на том пиру увенчают целым венком из золотых листьев. И жонглеры, шуты, музыканты и звериные поводыри до утра будут показывать благородному обществу свое искусство.

Гомонящая публика покидала трибуны, перетекая по лугу к столам, и Норберт, пользуясь тем, что отец позабыл о его присутствии, подошел к Бесс. Она тоже каким-то образом сумела избавиться от Эльфледы.

– Видела? Они шарахаются от меня из-за подозрений в убийстве. И вопят от радости, когда убивают того, кто не в силах сопротивляться, и кричат : «Добей!» и восторгаются убийцей. – Его лицо было белым от бешенства.

– Тебя это удивляет? Обычная история.

– Но где справедливость? – Не дождавшись ответа, он продолжал: – И еще это пиршество... не знаю, чтоб я дал за возможность уехать отсюда.

– Так уедем. Свалишь все на меня. Дескать, я по южной хлипкости своей натуры не смогла вынести вида крови, и мне стало дурно.

– Все равно скажут, что я уехал из-за зависти к кузену... А, наплевать – Норберт крикнул Люкета и распорядился, чтоб седлала лошадей.

И вскорости принц со свитой, едва не сшибая ворота, вынеслись с Турнирного поля. Бессейра уселась в седло по – мужски, что для дамы считалось непристойным, однако Норберт был в такой ярости, что не сделал ей замечания.

Он не слишком торопился, выезжая из города, а возвращался так, как будто за ним черти гнались. Поэтому в городские ворота въехали еще засветло – правда, сейчас, в конце июня, и темнело поздно. В Тримейне невозможно было скакать с той же скоростью, как по дороге, но на шаг Норберт все равно не перешел. Будучи хорошим наездником, он умудрился никого не сшибить, а свита каким-то образом сумела повторить этот подвиг. Немалая заслуга в том была и самих горожан, резво исчезающих с пути следования, независимо от возраста и комплекции.

Так выехали они, миновав сборщиков пошлин, на мост, соединявший правый берег Трима с Королевским островом. Этот мост, каменный, прочный, надежный, с тех самых пор, как Старому Дворцу перестала угрожать опасность вражьего нашествия, превратился в еще одну улицу. Обе стороны проезда были застроены мастерскими и лавками, где трудились и торговали плодами рук своих оружейники, суконщики и ювелиры. На другом мосту, перекинутом с Королевского острова на левый берег, обосновались в основном менялы и адвокаты, хотя и ремесленного люда там было предостаточно. Да еще цирюльники и зубодеры, уличные торговцы, жарившие пойманную тут же, под мостом рыбу, разносчики, фокусники и волынщики. Люд горластый, тертый, любопытный, и в то же время привычный ко всему. Они потеснились, дабы пропустить наследника со свитой, но столпотворения из-за этого устраивать не стали.

Норберт также не смотрел по сторонам, тем более, что зрелище, живописное для свежего глаза, было для него привычно с детства. Он уже видел, как поднимается решетка в воротах Старого Дворца – караульные в Сторожевой башне, выходящей на мост, заметили приближение господина, как внимание его отвлекло пронзительное ржание, раздавшееся за его спиной. Он обернулся. Старушка Фанетта вскинулась на дыбы, чего не позволяла себе и в молодые годы, и заплясала на месте. Потом наподдала задом и принялась метаться, не разбирая ничего кругом. Бесс в седле уже не было, однако она не упала – успела соскользнуть на мостовую. Норберт, который успел отъехать довольно далеко, пораженный невиданным доселе буйством Фанетты. Но он был чуть ли не единственным на мосту, кто не двигался. Прохожие и зеваки с визгом разбежались, лезли на груды сваленных у лавок бочек и мешков, шмыгали в двери, а всадники, сопровождавшие принца и Бесс, инстинктивно подали назад. Фанетта, мотая головой, крушила все, что попадалось под копыта, свалили телегу с сеном, и словно бы целенаправленно бросилась к той лавке, у ворот которой стояла Бесс. Деваться той было некуда, даже прыгнуть с моста, ибо дома строили так тесно, что в щели между ними могла проскользнуть разве что крыса или ласка. Но Бесс прыгнула, оттолкнулась от стены лавки, ухватилась за планку с вывеской и повисла на ней. Широкое красное платье трепетало на ветру, как знамя. Фанетта с разгона ударилась в стену и рухнула, храпя. Опамятовавший Норберт подъехал ближе и увидел, как оскаленную морду заливают пена и кровь. За наследником подтянулись и приближенные, явно стыдясь своей растерянности.

Кобыла перестала биться. Утихла.

– Подохла, – с сожалением произнес Люкет.

– Башку разбила, – уточнил Годе.

– Какая разница?

Бесс спрыгнула на мостовую и опустила рядом с трупом лошади на колени, как бы в изнеможении. Она потеряла венчик, и черные волосы разметались по плечам. Платье было разорвано, правую щеку пересекала царапина. Но когда она подняла к Норберту лицо, ее глаза были холодны и спокойны.

Он протянул ей руку, чтобы помочь подняться в седло. Бесс подтянулась, уселась позади него, ухватилась за пояс. И тихо, так что никто кроме Норберта не услышал, проговорила:

– Ну вот, они дали о себе знать. А то как бы и скучно.

* * *

По возвращении он зашел к ней почти сразу, только стащив с себя придворное одеяние. Бесс тоже успела переодеться и сидела на постели в домашнем платье и, разумеется, босая. Умилительная картина, но у Норберта она умиления не вызывала.

– Ты сказала: «они дали о себе знать». Кто?

– Те, кого мы ищем. Те, кто убивал девушек.

– Но ты осталась жива.

– А ты как будто не рад. Ладно. Я жива потому, что хорошо езжу верхом. Но этого в Тримейне никто не знал. Даже ты.

– На что ты намекаешь?

– Ни на что.

Он сел в кресло, нервно сжав руки.

– До сих пор мне казалось, что колдовство может твориться только под покровом ночи, только втайне ... но среди бела дня, на глазах у целого города...

– С чего ты взял, что здесь замешано колдовство?

– Потому что я знаю эту лошадь... знал. Она всегда была смирной, потому я и дал ее тебе. И она могла взбеситься, только если ее околдовали.

– Нет. Все было гораздо проще. Лошадь отравили... у пота и пены был особый запах. Я не разбираюсь точно, но мне известно, что есть снадобья, которые способны вводить в бешенство – как людей, так и животных.

– Так чем же это отличается от колдовства?

– По моему разумению, у колдунов есть особый дар. Нас учат, что они получают его по договору с дьяволом, а некоторые верят, что с этим даром рождаются на свет. А чтобы пользоваться ядами, дара не надобно – достаточно знаний.

– И злой воли.

– Это само собой. Бедной Фанетте дали что-то выпить или съесть. Что-то, действующее не разу. Им нужно было, чтобы лошадь взбесилась в городе, чтоб было много свидетелей.

– Это невозможно. Никто не знал, что мы уедем до пира.

– Правильно. Поэтому отравить Фанетту мог только тот, кто был возле лошадей и слышал твой приказ.

– Там были только мои люди! Или ты их подозреваешь?

– Нет... наверное. Но в толчее, суете и шуме Турнирного поля они могли и отвлечься.

– Люкет и Годе должны помнить, кто там вертелся

– Хорошо бы. – Бесс встала, в задумчивости прошла к столу. С колен ее при этом упал какой-то предмет. Бесс подцепила его пальцами босой ноги, подбросила, поймала в воздухе. – Знаешь, о чем я сейчас подумала? Яд легче всего проникает через кожу. Лошадь могли просто поцарапать чем-то острым. А острие предварительно смазать... жаль, что я не успела как следует осмотреть шкуру, А теперь труп наверняка уволокли на живодерню.

Норберта эти рассуждения ставили безучастным. Его больше интересовало, что вертит в руках Бессейра.

– Покажи, что там у тебя.

Она протянула ему кинжал. Хорошая сталь, рукоятка из черного коралла – скорее всего изготовлен за Южным мысом. В таких вещах Норберт разбирался. И он точно помнил, что среди безделушек, купленных им для Бесс – порой весьма дорогих, ничего подобного не было.

– Мне казалось, что ты пришла ко мне без оружия.

– Угадал. Вдруг бы твоим ребятишкам вздумалось меня обыскивать?

– А теперь, значит, оружие понадобилось?

– Сегодня оно не пригодилось. Но может понадобиться впредь. – Она забрала кинжал у Норберта. – То, что случилось сегодня, подтверждает нашу версию. Твои враги действуют в том же направлении, что и раньше. Любовница принца должна быть мертва, как и предыдущие. И погибнуть так, чтоб при этом возникла мысль о колдовстве... о черной магии.

– Сейчас совсем иные обстоятельства.

– Ты сделал свой ход, обезопасив себя. Они – свой, изменив время и методы. Перекрестки... мост... возможно это просто совпадение. Сомнительно, что все это можно было точно рассчитать. Но – кто поручится?

– Отец Эрменгер уверял меня, что все убийства были приурочены к языческим праздникам.

– Вчера была Пятидесятница, праздник никак не языческий.

– Да, ты права. Если только не держать за языческий праздник сегодняшний турнир.

– Сходство есть, однако... Через несколько дней – Середина лета. Из языческих праздников – самый великий.

Норберт почувствовал, как по спине его пробежала дрожь. Несмотря ни на что, он все же позволил себе слегка расслабиться, поверить, что опасность, хотя бы на время, миновала. И оказывается, что худшее впереди.

– Что будем делать?

– Праздновать. Здесь, в Старом дворце. Устрой маленькое пиршество в избранном кругу приближенных... с музыкой, какими-нибудь увеселениями. Не стоит ни выезжать, ни запирается, как в гробнице.

Норберт кивнул, соглашаясь.

– И вот еще что... пригласи на этот праздник принца Раднора.

Норберт едва не подскочил.

– Ты думаешь ... он?

Мысль казалась невозможной. Красавец, тупица и атлет Раднор – коварный колдун и отравитель?

– Не обязательно. Просто я хочу посмотреть, кого он с собой приведет.

7. Пространство сна. Паром на реке Эрд.

Был соблазн – не сесть ли, взамен указанной Лабрайдом барки, на другую, по каналу, связывающему Тримейн с морем, добраться до побережья, а там – на корабль, и прощай, империя. Но Джаред не поддался. После того, что он наговорил Лабрайду, бегство выглядело бы предательством, а предательство внушало ему отвращение. (Да, умел Лабрайд подчинять себе людей, причем без всякого принуждения). К тому же Джареду и самому было интересно разобраться в предложенной задаче.

Итак, в порту Тримейна он поместился на двухмачтовую речную барку, и, от щедрот Лабрайда, даже получил отдельную каюту. Никогда еще Джареду не приходилось путешествовать с таким комфортом. Из Скеля в басурманские земли он плыл палубным пассажиром, и если их корабль счастливо избежал встречи с пиратами, то прелести морской качки Джаред вкусил в полной мере. Плыть по реке совсем другое дело. Никаких тебе штормов, любишься прекрасными видами, открывающимися по берегам – мощными замками, заливыми лугами, веселыми торжищами, тенистыми лесами, прислушиваешься к степенным разговорам попутчиков, а ночью, когда барка швартуется у берега, засыпаешь под мерный плеск речной волны.

Только спалось почему-то плохо. Хотя причин для этого не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.